

63.521(=632.93)-4

Д 938

1273604

КАРАЧАЙ И БАЛКАРИЯ

страницы прошлого

А. Дьячков-Тарасов
**ЗАМЕТКИ О КАРАЧАЕ
И КАРАЧАЕВЦАХ**

М. АЛЕЙНИКОВ
**КАРАЧАЕВСКИЕ
СКАЗАНИЯ**



Издательство М. и В. Котляровых

48

95 ✓

КАРАЧАЙ И БАЛКАРИЯ

страницы прошлого

1013304

А. Дьячков-Тарасов
**ЗАМЕТКИ О КАРАЧАЕ
И КАРАЧАЕВЦАХ**

М. Алейников
**КАРАЧАЕВСКИЕ
СКАЗАНИЯ**

Издательство М. и В. Котляровых

Нальчик 2009

ГКУ «Республиканский
информационно-библиотечный ЦБС»
им. Т. К. Мамоева
г. Нальчик, ул. Нальчик, 42

63.521(=632.93)-4+ 523(2Р=Кар)-443.
ББК 83.3 (2Р-6КБ)
Д 938

Авторы проекта
Мария и Виктор Котляровы

- Д11 **Дьячков-Тарасов А.** Заметки о Карачае и карачаевцах / Алейников М. Карачаевские сказания. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2009. – 60 с. (Карачай и Балкария: страницы прошлого).

ISBN 978-5-93680-303-1

В сборник вошли не переиздававшиеся с 1898 года «Заметки о Карачае и карачаевцах» Александра Николаевича Дьячкова-Тарасова – известного этнографа, в советское время одного из учредителей Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института в Ростове. Более подробно об ученом и его работах, а среди них исследования «Абдзехи» (1902), «Абхазия и Сухум в XIX столетии» (1909), «Социальные формации в Карачае и их современная экономическая мощь» (1928–1929) и целый ряд других, рассказано в предисловии к седьмому выпуску нашей серии.

Своего рода логическим продолжением заметок А. Н. Дьячкова-Тарасова видится опубликованная несколько ранее (1883) работа Моисея Алейникова «Карачаевские сказания».

М. Алейников – в 70-х годах XIX века учитель сельского училища Учкуланского, Карачаевского округа, позднее, в 90-х годах, заведующий Мансуровским сельским училищем – автор ряда записей карачаевского фольклора. Среди его публикаций – «Карачаевские легенды и поверья о древней башне и неприкосновенной сосне» (1879), «Обряды и обычаи карачаевцев при свадьбе и похоронах» (1880) и др.

Издательство М. и В. Котляровых,
2009

А. Дьячков-Тарасов

ЗАМЕТКИ О КАРАЧАЕ И КАРАЧАЕВЦАХ

Летом 1890 года случилось мне побывать в области верхнего течения Кубани, причем удалось даже подняться по одному из склонов Эльбруса до границы вечных снегов, из-под которых струится едва заметный ручей, обращающийся затем в многоводную Кубань. Вся эта местность известна под именем Большого Карачая. Познакомившись с населением последнего, являющим собой отдельное этнографическое целое, я попытался проникнуть в туманное прошлое этого народа, едва известного в этнографической литературе; мне удалось, в течение кратковременного своего пребывания в Карачае, занести в записную книжку предлагаемые ниже заметки, касающиеся страны, быта, прошлого и поэтических сказаний карачаевцев; впоследствии эти заметки были дополнены несколькими статистическими и историческими данными.

I

Характер страны: орография, гидрография, естественные богатства, пути сообщения. – Народонаселение: число, главные занятия жителей, условия хозяйства; причины ухудшения разводимых пород. – Малоземелье: исторические причины этого явления.

Территория, занимаемая народом карачаевцев, лежит в бассейне верхнего течения Кубани, на северо-запад от подножия Эльбруса, по северному склону Главного хребта. Это типичная горная страна, расчлененная тремя узловатыми массивными кряжами, упирающимися в Главную цепь почти под прямым углом. Средний хребет делит Карачай на две – местами суживающиеся, местами расширя-

ющиеся – долины со множеством ущелий, покрытых лесом; здесь встречается береза, граб, бук, дуб, клен, ясень, ближе к Главному хребту преобладает сосна (долина Хурзука, Уллукама) и ель (верховья Теберды). По восточной долине бежит по гранитному и фельзит-порфиловому руслу, усеянному огромными скатившимися с гор камнями, несется каскадами Кубань, образующаяся в ауле Учкулан из слияния рек Учкулан (западной) и Уллукам (восточной), вытекающей непосредственно из-под снегов Эльбруса; с левой стороны она принимает Дуут¹, с правой – пенистый Худес и ручьи Джалан-кол, Амап-кол, Индыш, по живописному ущелью которого можно легко добраться до Кисловодска (от Индышского рудообогатительного завода общества «Эльбрус» всего 60 верст). Выбегая на более широкую долину близ Хумаринского укрепления (Ак-кала – *по-карачаевски*) и приняв быструю и многоводную Теберду, Кубань образует большую реку, весьма удобную для сплава леса из богатой Тебердинской долины, местами поразительно напоминающей прекрасное Боржомское ущелье; Кубанская же долина, напротив, отличается мрачным, величественным видом, особенно у подножия «царя гор». Местность близ аулов Карт-Джурт, Учкулан и Хурзук бедна растительностью, когда-то, по преданию, густо покрывавшей эти каменистые, с обширными серыми осыпями склоны. Однако эти скалы скрывают несметные богатства, заключающиеся в серебросвинцовой руде² (окрестности рек Худес и Дуут), каменном угле (особенно вблизи кабардинского аула Хумары), меди, цинке, железняке, медной сини, зелени, огнеупорной глине, графите (мощность пласта равняется 1 саж.). Этот рудный участок находится в 146 верстах от станции Невинномысская; сюда-то и направляется руда по довольно хорошо разработанной дороге чрез Хумару и станицу Баталпашинскую; далее руда направляется в Новороссийск, а оттуда во Францию. В настоящее время общество «Эльбрус», желая соединить Кубано-Худесский рудный участок с ближайшей станцией железной дороги, разрабатывает дорогу на Кисловодск по Индышскому ущелью. Вообще, карачаевские пути сообщения довольно удобны даже для почтовой тележки; путешествия же в сторону от главных дорог, по окрестным ущельям, возможны только с помощью верховых лошадей.

¹ На картах неправильно – Доут и Даут

² Эксплуатация этой руды производится на Худесских рудниках, на плавильном, электролитическом и рудообогатительном заводах общества «Эльбрус».

В этой альпийской стране живет в девяти аулах народ могометанского вероисповедания, говорящий татарским наречием, числом душ обоюго пола не превышающий двадцати тысяч¹. Главные занятия жителей – овцеводство, скотоводство и коневодство: в Карт-Джурте, например, 3494 вола, 16 215 коров, 34 338 овец, 3397 лошадей; в Уч-кулане – 2340 волов, 11 995 коров, 53 816 овец, 6418 лошадей². Руно карачаевских овец в почете у всех горцев. Среднего роста, на коротких ножках, длиннотелые, длиннее даже волошской породы, карачаевские овцы отличаются белым длинным глянцеvitым руном, считающимся нежнее лейчестерского; у баранов висит из-за щек, почти до самых колен, густая шерсть, что придает им очень красивый вид. Матка редко приносит двойни. На третьем году валухи нагуливают на хвостах от 19 до 23 фунтов чистого сала, а спина их, и снаружи и внутри, почти до почек, покрывается толстым слоем жира. Овцы довольно хорошо переносят зиму; они приспособились и к климату, очень суровому, и к этим крутым каменистым и склонам, где каждое удобное местечко отведено под посеы ячменя; последнего хватает только на 2 ½ месяца³, так что карачаевцам приходится покупать хлеб на плоскости, в станицах. Кроме того, большой недостаток ощущается и в сене: жители ревниво оберегают каждое удобное для сенокоса местечко и тщательно огораживают его низким забором из камней, в изобилии усеивающих долины. Мне приходилось видеть, как косят иногда карачаевцы сено: они становятся на колени и двигаются так по усеянному мелкими камнями полю, стараясь как можно пониже срезать траву. В конце зимы, особенно

¹ Аул Хурзук, на правом берегу Уллукама: 1893 души мужского пола, 1875 – женского (по сведениям 1885 года); 8 мечетей, 4 лавки, 17 мельниц; 2) Учкулан, на реке того же имени: 2703 мужч., 2653 женщ.; 5 мечетей, 1 школа, обывательская станция, суд, 4 лавки, 14 мельниц; 3) Дуут, по обоим берегам реки Дуут: 332 мужч., 328 женщ., 1 мечеть; 4) Джазлык, на левом берегу Дуут: 615 мужч., 601 женщ.; 1 мечеть; 5) Мара, по реке Мар: 590 мужч., 580 женщ.; 1 мечеть; 6) Карт-Джурт (Эль-тюбе) на правом берегу Кубани: 2271 мужч., 2208 женщ. (по сведениям 1895 года, 2376 мужч., 2457 женщ.); 7 мечетей, 14 лавок, школа, 16 мельниц; 7) Таш-купыр (Каменноостский): 279 мужч., 235 женщ., 1 мечеть; 8) Теберды: 236 мужч., 204 женщ.; 1 мечеть, 1 школа, 1 лавка; 9) Сенты: 205 мужч., 280 женщ., 1 мечеть. На плоскости на реке Джегута лежит аул Джегутинский (сведений о числе жителей последнего в «Сборнике сведений о Кавказе», изд. Кавк. стат. ком., не имеется).

² По данным статистики 1895 года.

³ Неисчислимое количество сусликов, и особенно близ Хурзука, уменьшает и это количество хлеба.

затянувшейся, путешественник может видеть грустную картину, как истощавший скот копытами пробивает слежавшийся по склонам снег и добывает прошлогоднюю траву; овцы же не в силах делать то же и гибнут поэтому сотнями. Рогатый скот карачаевцев не отличается величиной: порода приспособляется к условиям местности; особи, не удовлетворяющие этим условиям, исчезают. Это явление особенно хорошо заметно на маленькой, черной, круторогой дагестанской корове.

Некогда знаменитые карачаевские лошади в настоящее время утрачивают свои высокие качества – выносливость, быстроту и осторожность. Хозяева заботятся о количестве голов в табуне, а не об улучшении породы посредством скрещивания с лучшими экземплярами некарачаевской породы. Обычай считать богатство по числу голов скота, а затем традиционное конокрадство и скотокрадство оправдывают несколько карачаевца в таком ведении своего хозяйства. Кое-как вырастив лошадь, он спешит ее продать; однако цена на этих лошадей стоит невысокая: на конских ярмарках Кубанской и Терской областей лучшая идет редко за 150 рублей.

На мой вопрос, обращенный к десятку стариков, почему они не скрещивают свой скот с заводскими экземплярами, я получил следующий ответ: «Пробовали заводить – не выживают. Вот если бы нам дали земли на плоскости, тогда можно было бы и овец завести породистых и лошадей; а теперь нам приходится арендовать землю на плоскости у осетин, у казаков; у нас есть некоторые, что арендуют землю и в Терской области, в Майкопском, Лабинском отделах. Дали нам земли близ Дзегуты¹, а мало – недостает. Говорят: «У карачаевцев много скота». Это правда. А расходов сколько! Каждая овца в год стоит нам 25–30 коп. А градобитье на заарендованном под сенокос участке вы не считаете? А суровую зиму? А оспу на овец? А неимение денег вовремя уплатить арендную плату, когда приходится идти к осетинам и брать у них под ужасные проценты деньги? Случалось, некоторые из нас платили осетинам (в осетинском Георгиевском поселке, близ Хумаринского укрепления) по 120 процентов? А неурожаи ячменя? У нас насчет наших неурожаев и поговорка есть: «Горсть пшена, помещающаяся в дуле ружья, стоит во время неурожая самого ружья». У нас на семью из 6 человек, как у меня, – прибавил один седобородый карачаевец, – идет в

¹ В 70-х годах карачаевцам был пожалован дополнительный надел на реке Дзегута. Аулы отдают свою долю из этого надела односельцам. Так, например, делает аул Учкулан; выручаемая сумма денег достигает 4 тысяч рублей.

год хлеба 100 пудов. Даже богатые из нас часто едва концы с концами сводят. Земли мало – это главная причина... Тесно очень... Ведь Боташ¹ пришел – было всего 60 воинов; им было хорошо жить в Эль-тюбе², а теперь нас много – тесно стало, да и дворяне много взяли земли: Боташевы имеют 300 десятин, а Хубиевы даже 400³. Переселяться же безземельным, как мы вот, совсем – страшно: как мы будем там жить?! Здесь мы дышим родным горным воздухом, пьем кубанскую воду; здесь родились и умерли наши предки. Как же оставить могилы их? Грех! Да, кроме того, у нас бывали примеры, что разлученные с родиной умирали... Вот если бы счастье нас посетило и нас переселили бы на реку Баксан, где раньше жили карачаевцы, – там было бы хорошо нам, а оставшимся здесь было бы свободнее».

Существование безземельных карачаевцев – несомненный факт; мало того, безземельные семьи, по крайней мере, вчетверо превышают землевладельческие.

Это печальное явление имеет следующую историю. Издревле у карачаевцев существовало несколько знатных фамилий, выведивших себя из поколения родоначальника карачаевцев, Карчи, именно от сыновей его и его друга Карачая, выходца из Турции, – Джантухана, Ахтугана, Мусы, Карабаша и Будуюна, Науруса, Адурхая; к ним присоединился род Хубиевых из «малкарцев» (так карачаевцы, наряду с другими, зовут балкарцев) и еще несколько родов, вероятно, из племени алты-кесек-абаза⁴).

После открытия Боташом Кубанской долины и переселения в Эль-тюбе (Карт-Джурт) с реки Баксан, немногочисленные карачаевцы захватили себе всю землю; младшие же роды и пленные, беглые стали жить на земле старших. С увеличением населения Карт-Джурт принужден был избыток выслать в колонии – образовались Хурзук (первоначально хутор Боташа) и Учкулан. Но роды продолжали возрастать, и родовая земля дробилась на меньшие и меньшие участки⁵, большая часть которых превратилась, наконец, в дворовые места; при этом многие члены рода (например, в Карт-Джурте око-

¹ Один из первых поселенцев Карачая.

² Ныне Карт-Джурт.

³ Цифры значительно уменьшены.

⁴ «Шестиродные» абазинцы, каких называли русские, – племя, род-ственное приморским абхазцам.

⁵ Общественной земли не найдется ни одной пяди во всем Карачае; там о значении юртовой земли имеются самые смутные представления; отсюда совершенно понятна та неурядица (уже отмеченная администрацией края) в отношении регулирования доходов с пожалованной Карачаю земли по реке Джегута.

ло 40 семей, а в Учкулане около 50) не имеют собственных жилищ, ибо не на чем их строить; в Учкулане, кроме того, около 100 дымов не имеют «сабанов» – клочков земли в несколько десятков сажений в черте аула или его ближайших окрестностях. Эти клочки земли служат предметом гордости карачаевца: и предки его затратили много трудов на то, чтобы убрать с поверхности сабана камень, освободить от него и верхний слой земли, и сам он ежегодно уваживает его, издали проводит канавки для его орошения; неудивительно поэтому, что десятина сабана продается (что случается очень редко) за 1000 рублей. Наряду с таким безземельем существуют обширные родовые поместья: Крымшамхаловы (15 дворов) владеют 3 тысячами десятин, Боташевы (30 дворов) – 1500 десятинами, Хубиевы (60 дворов) – 1800 десятинами. Это в одном только Карт-Джурте; представители этих фамилий найдутся еще и в Хурзуке и в Учкулане. Таким образом, понятно зарождение в Карачае земельного пролетариата. Это зло усилилось еще тем обстоятельством, что после эмансипации 1861 года бывшие рабовладельцы, не забывая брать выкупные деньги, не наделяли землей освобожденных. Администраторы края, особенно генерал Петрусеви́ч, желая помочь безземельным, способствовали переселению последних. Таким образом образовались аулы Дуут и Джазлык – по реке Дуута – и аул Мара (Маринский). Тогда же карачаевцам был дарован вышеупомянутый надел в 45 тысяч десятин по реке Джегута, где и образовался небольшой Джегутинский аул. Все эти переселения совершились не без сопротивления со стороны привилегированных фамилий. Даже недавняя попытка безземельных карачаевцев основать на реке Джегута новый аул в урочище Кошеях-кала встретила сильный отпор со стороны Большого Карачая¹, и не увенчалась успехом. Отсюда понятна разница между населением Большого и Малого Карачая: в первом, то есть Карт-Джурте, Хурзуке и Учкулане живут богачи-дворяне, во втором – бедняки-плебеи.

¹ Этим именем называется Кубанская долина, в области которой находятся три главных аула – Карт-Джурт, Хурзук и Учкулан.

II

Влияние скотоводства на быт и характер карачаевцев. – Проказа. – Жилища. – Арабская школа. – Нравы.

Скотоводство обусловило и распределение времени карачаевца, ограничило его потребности, препятствовало развитию ремесел, но вместе с тем приблизило его к природе, сделало наивно-добродушным, восприимчивым к принятию всего нового, способным в руках опытного цивилизатора ко всякого рода реформам. С середины мая население Карачая переселяется на альпийские высоты, на «коши» – летние стоянки; в аулах остаются сторожа-старики, по одному на квартал. В Джазлыке, например, даже писарь временно переводит свою канцелярию на кош, ибо в ауле ему положительно нечего делать. С начала сентября начинается обратное движение: карачаевец спускается в долины и на короткое время становится гостем в родном ауле; стада гонятся далее на зимовку либо в юрты Кардоникской, Зеленчукской, Преградной, Спокойной станиц, либо в Майкопский и Лабинский отделы и даже в Терскую область.

Кочевая жизнь делает карачаевца крайне невзыскательным в пище, одежде, неряшливым, невнимательным и к требованиям религии. Он по преимуществу плотояден: летом ест свежее мясо, вареное и жареное (часто без хлеба и соли), зимою – вяленое; его готовят исключительно женщины. Путешественник с изумлением смотрит, с каким сладострастием и умением каннибала карачаевцы потрошат, варят, а затем пожирают барана, не заботясь ни о хлебе ни о соли. Если свежему человеку случится войти в толпу карачаевцев, его неприятно поразит смесь разнообразных запахов, над которыми доминирует, впрочем, запах старого бараньего сала; даже местные аристократы не свободны от этого поистине национального запаха.

Особенность карачаевских аулов – проточная вода; горцы большие искусники в деле отвода от реки множества канав. Однако обилие воды не мешает им быть удивительно нечистоплотными, так что даже осетины в Георгиевском поселке, тоже не отличающиеся чистотой тела, и те издеваются над ними, уверяя, что карачаевцы никогда не моются, только женщины омываются три раза в жизни: после рождения, перед свадьбой и после смерти. Нет поэтому ничего удивительного, что холера 1892 года произвела значительные опустошения среди карачаевцев; дело ее еще облегчалось тем об-

стоятельством, что покойники обмывались в ручьях, бегущих почти перед каждой саклей (по адату, тело мертвого должно обмываться в текучей воде), и все жившие вниз по ручью пользовались отравленной водой.

Накожные болезни, особенно чесотка, свирепствуют здесь; врачебная помощь в лице фельдшера, развозящего мазь против чесотки, недействительна. Гораздо серьезнее опасность является со стороны проказы, занесенной в Карачай, по преданию, крымским татаринном Гассаном. Карачаевцы называют эту болезнь *аман-ауру* (дурная болезнь) и *курт-ауру* (червивая болезнь). Вместе с этим они обнаруживают большую неосторожность в сношениях с больными: прокаженные нигде не изолированы, живут и умирают в ауле в кругу своих семей.

«Тихая болезнь, – говорил мне старшина Байрамуков, – если заразиться, только через 5–6 лет может показаться проказа; мы думаем также, что это наследственная болезнь: например, теперь у нас в Хурзуке в роду Чомаевых шесть прокаженных. Мы боимся их и хотим запретить прокаженным посещение мечети: там тесно очень, а они сами протягивают нам руку, неловко не взять ее. Случается, долго живут прокаженные: у нас есть муж и жена, оба старики, 40 лет живут вместе; он 18 лет болен проказой, а она здорова. А вот еще пример: была у нас красавица, лучше всех карачаевских женщин, – старшина вздохнул, – вышла она замуж, родила двух сыновей; вдруг у нее выпали брови, лоб опух, нос раздулся, руки стали сохнуть; теперь на нее смотреть нельзя. Отец у нее был здоров, а дед умер прокаженным; дети же ее, уже взрослые, пока совершенно здоровы».

Мне удалось видеть двух прокаженных; из них один был мальчик; он являл собой типичный вид проказы: отсутствие бровей, распухший лоб, изрытое лицо, действительно напоминавшее нечто львиное, по выражению одного юрьевского профессора; пальцы на руках были искривлены, некоторые отпали, сухая нога блестела, словно желтая полированная кость. Проказа распространена по всему Карачаю, и нет ни одного из десяти аулов, где не было бы прокаженных. Так, по собранным мной сведениям, в Таш-купыре 2 прокаженных, в Карт-Джурте – 7, в Хурзуке – 12, в Учкулане – 1. Самый младший из них 16 лет, а самый старший – 63; последний одержим болезнью около 20 лет и живет в семействе племянников. По слухам, существует проект устроить на общекарачаевский капитал лепрозорий близ Маринского аула. Общее число больных не

превышает 30 человек, так что устройство общежития не составит больших расходов; время же изолировать больных давно настало, ибо и здоровые и сами больные тяготятся обществом друг друга.

«Если бы нас отдельно устроили! – сказал мне Узденев Чепелю, прокаженный, 32 лет, заболевший 10 лет тому назад. – Стыдно, как нас все обходят, никто не принимает в дом; очень мне стыдно; дают милостыню, тем и живу; лучше бы нам отдельно жить: мы не стыдились бы друг друга; нас, может быть, лечили бы, а теперь доктор смотрел, а не лечит».

Частое отсутствие из дому не заставляет карачаевца совершенствовать свою убогую саклю. Путешественник еще в Таш-купыре поражается непривлекательной внешностью карачаевских жилищ, если только эти длинные сараи с фашинами на крышах, вместо труб, можно назвать жилищами. Особенно типичны эти сакли-сарай в Карт-Джурте, самом древнем карачаевском ауле; все они построены срубам из бревен до 12 вершков в диаметре; крыши двускатные, с легким наклоном, покрыты толстым слоем земли, дающим обильную растительность. Поэтому, если смотреть с соседней вершины, аул имеет вид зеленого луга, пересеченного черными и серыми полосами – дворами и переулками; улиц нет, ибо дома строились не по определенному плану, но сообразно с условиями рельефа местности; при этом недостаток земли заставлял тесниться до последних пределов. Всякий карачаевский дом делится на женскую и мужскую половину; чтобы проникнуть в последнюю, путешественник должен согнуться насколько возможно, и тогда только он перешагнет полуаршинный порог узкой, овальной двери и очутится в кунацкой: закопченный потолок подперт столбами; прохладно и темно, ибо свет проникает через широкий раструб очага, спускающийся довольно низко; оттуда торчит крюк на железной цепи, на котором висит черный котел; вверху, у потолка, пробиты узкие щели, заслоняемые зимой дощечками. Широкие нары-диваны, идущие вдоль стен, покрыты коврами. Я вошел в один из таких домов близ мечети – это оказалась арабская школа: в маленькой комнате, увешанной коврами и белой воловьей шкурой, на которой учитель, быстроглазый брюнет, творит намаз, толпилось десятка два детей и подростков. Я взял у одного из них книжку: это был рукописный арабский букварь, с маленькими фразами для упражнений (аптъек).

«После этой книги мы читаем Коран, – объяснил мне учитель, – потом идет теджют – церковные стихи, далее катехизис и, наконец, герсиф – толкование на Коран».

Дети занимаются с 8 до 12 часов утра.

«А хорошо они учатся? Не шалят?» – спросил я.

Учитель, вместо ответа, с улыбкой показал на короткую толстую палочку, бывшую в его руках и уже залакировавшуюся от употребления. Я просил его продолжать урок. Ученики упражнялись в хоровом чтении церковных стихов. Мне хотелось удостовериться, сознательно ли они читают: я просил перевести одно-другое слово; в большинстве случаев ученики не понимали значения слова: арабские стихи, очевидно, заучивались наизусть механически.

Карачаевцы – большие любители ничегонеделания: по целым часам они простаивают на углах, передавая новости, останавливая прохожих и втягивая их в разговор; если же карачаевец в дороге встретит чиновника в сопровождении конвойного, он немедленно присоединяется к ним и не отстанет, хотя бы ему пришлось вернуться на место отправления, пока не узнает – кто, куда, зачем едет. Все это передается каждому встречному земляку. Неудивительно поэтому, что малейшая новость быстро облетает весь Карачай. В этом отношении карачаевцы весьма похожи на цезаревских галлов.

По адату, карачаевцы не могут заниматься торговлей; это обстоятельство также увеличивает их досуг. Все лавки в аулах принадлежат горским евреям из Джегутинского поселка (переселенцам из Шемахи); торговля меновая – на домашних птиц, яйца, масло, сыр, шерсть, овец; лошадь редко идет в обмен на товар: стыдно; мужчины стыдятся даже заходить в лавки: это дело женщин.

Последние заняты гораздо больше, нежели мужчины: они прядут шерсть, делают бурки, шьют черкески, или папахи, вышивают; но ковров делать не умеют: их привозят из Имеретии. Положение женщины, вообще, довольно свободное, самостоятельное; это, конечно, обуславливается характером народа, его историей, мирным его трудом. Карачаевцы, вообще, не отличаются бойкостью, смелостью.

«Мы до того робки, – говорил мне один карачаевский дворянин, – что не в силах согнать осетина, если он поселится на нашей земле. Например, нам около Хумаринского укрепления еще генералом Петрусевичем отведено пятьдесят десятин, но ими завладели осетины, живущие в Георгиевском поселке, и мы никак не можем их выжить оттуда: боимся. Мы боимся даже мстить осетинам за убийство наших... А их много-много тайно убито»...

Любопытно, в свою очередь, отношение к ним осетин.

«Глупее народа и вороватее карачаевцев нет на Кавказе, – говорили мне осетины в Георгиевском поселке. – Кабардинцы – хороший народ, храбрый, а карачаевцы – трусливые воры».

Вообще, карачаевцы не в почете у горских племен. Мягкость их характера, воспоминания о многочисленных лишениях, перенесенных во время продолжительных странствований, сознание своей малочисленности, изолированное положение среди чуждых по языку горцев – все это способствовало тому, что Карачай оказал самое слабое сопротивление русским.

III

Происхождение имени «Карачай». – История карачаевцев: их скитания; поселение на Кубани; начало сношений с русскими. – Батал-паша. – Генерал Эммануель и покорение Карачая; договор с русскими; речь Крымшамхалова. – Ученая экспедиция в Карачай в 1829 году.

Происхождение народа карачаевцев, даже происхождение имени «Карачай» не вполне ясно и для самих карачаевцев: в Карт-Джурте, напр., мне рассказывали¹, что слово «карачай» (собств. *по-татарски*: черная вода, река) – то же, что и *карашай* – черный чай; что таким-де именем называют траву, растущую на черноморском склоне хребта; что настой-де этой травы некогда употреблялся карачаевцами в качестве чая, поэтому-де окрестные народы, употреблявшие кизил-шай (красный, обыкновенный чай), и прозвали их карачаевцами. В Хурзуке² же старики³ решительно отвергли вышеупомянутое объяснение имени «Карачай» и производили его от своего родоначальника – Карачая, который иногда смешивается с другим родоначальником – Карчой.

Собранные мной рассказы карачаевских стариков рисуют пока следующую картину исторического прошлого этого народа. У одного крымского хана было две жены; одна была ханского рода, другая – простолюдинка; у первой было четыре сына, у второй – три: Будуйан, Науруз и Адурхай. В семье произошли раздоры: дети простолюдинки попытались овладеть престолом. Это им не удалось, и они вынуждены были бежать; к ним присоединились 60 семейств и один родственник, богатырь Карча. Поселились они на Кавказе, в местности, называемой Инал-куба (по словам одних, в Майкопском отделе, по отзыву других – близ Сухума). Здесь к ним присоединился выходец из Турции, сын военачальника, бежавший

¹ Будуйан Джанкозов, 63 года.

² Аул в 19 верстах от Эльбруса.

³ Муса Алиев, 88 лет; Мазан Байрамуков, 90 лет; Хассан Алиев, 77 лет.

из турецкого города Эски-шахар (Стар-город); звали его Карачай; у него было три сына. Кроме того, к ним пристал род Хубиевых из племени «малкарцев» (не балкарцев), живших-де тоже близ Сухума. Позднее к ним присоединились: род Узденевых из племени кизилбеков; Крым-шамхал, выходец из Крыма, родоначальник богатого и влиятельного ныне рода Крымшамхаловых; впоследствии – несколько семейств из кумыкских узденей. Карачай предлагал Карче переселиться в Турцию, но последний не согласился, ибо желал отомстить родине за изгнание. Однако, на Инал-кубе они не могли долго жить: их стали притеснять турки – они переселились на реку Загдан; здесь карачаевцы от болезней и от нападений турок значительно уменьшились в числе. Это заставило их бежать на реку Архаз (в верхнем течении Большого Зеленчука); здесь, под защитой дремучих лесов, они прожили довольно долго, так что успели возрасти в числе. Но турки, покорив приморских жителей, опять добрались до карачаевцев; последние удалились в местность близ теперешней Усть-Джегутинской станицы, называвшуюся Байталчапхан (Кобылья скачка). Это случилось во время жатвы. Вскоре у соседних племен возник мор, и карачаевцы бежали на реку Эльтаркач, затем в местность, называемую Боргустан. Отсюда они переселились на реку Баксан, где прожили около 40 лет; селение их называлось Эль-джурт. Но и здесь они не нашли мирной жизни: после некоторой борьбы на них наложил дань Кази, владетель Большой Кабарды. Однако Карче обидно было платить дань, послал он однажды собаку: князь разгневался и разграбил селение. Карча тем временем бежал за Эльбрус, к сванам, за помощью. Пришел с войском, напал на скот кабардинский и угнал в горы. Посоветовался Кази с подручными князьями и решил заключить мир с Карчой; при этом карачаевцы получили полную самостоятельность, а вместе с тем и пленных, за исключением двух, умерших в плену. Вместо них Кази дал двух кабардинцев из аулов Тахчук и Тамбий; потомки их и до сих пор носят те же фамилии¹. Прошло несколько лет. Однажды охотник, по имени Боташ, с двумя товарищами пошел охотиться на реку Балык; там он ранил марала; в погоне за ним охотники добрались до высот Садырла (над Хурзуком), спустились в долину Уллукама и остановились на единственной полянке близ впадения Уллукама в Уллукам – вокруг лежали непроходимые леса по Уллука-

¹ Более подробный рассказ о борьбе с кабардинцами, изукрашенный народной гордостью, см.: *Алейников М.* Карачаевские сказания // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1883. Т. 3.

му тянулись вербы; нигде не было видно никаких следов человека. Охотники поставили себе на полянке, близ Боташева камня¹, шалаш из ветвей, покрыли его шкурами туров и оленей, во множестве водившихся в окрестностях. Здесь они прожили пятнадцать дней и осмотрели долину Хурзука, Учкулана и Верхней Кубани. В газырях одного оказались зерна ячменя; Боташ горной палкой с железным наконечником вскопал немного земли и посеял там зерна. После этого они вернулись на Баксан и поведали своим обо всем виденном. В следующем году они опять посетили названную местность и увидели, что посеянный ячмень дал превосходный урожай. Тогда весь народ решил переселиться сюда, в ущелье Кубани, чтобы быть подальше от набегов кабардинцев и осетин; переселению содействовал мор, появившийся в Кабарде, на Баксане. Поселились они на месте теперешнего Карт-Джурта (Эль-тьюбе). Окрестные леса стали вырубаться, стали образовываться хутора; на реке Хурзук был, например, хутор Боташа. Когда эти хутора обратились в аулы Хурзук и Учкулан, тогда Эль-тьюбе обратилось в Карт-Джурт (Старое селение). Вся земля была разделена на три части – по числу аулов. Боташ при дележе захотел взять себе лучшую часть и в возникшей ссоре был убит. С тех пор прошло 587 лет, по словам одного 120-летнего старика Джанкёзова. Однако и здесь, в глубоких и диких ущельях, карачаевцы, как и раньше, страдали от набегов соседей, особенно со стороны алты-кесек-абаза; есть намеки на борьбу со сванами: Сара-мурза Боташев говорил мне: «Гилястан Сынчок вел войну со сванами (абзе, *по-карачаевски*), которые утверждали, что земля по Уллукам принадлежит им; и теперь на перевале существует каменный памятник, на границе со сванами; на нем написано имя Гилястана».

Что касается борьбы с русскими, то весьма вероятно, что карачаевцы, увлеченные письмами Батал-паши, принимали участие в сражении 30 сентября 1790 года на берегах Кубани, близ нынешней станции Баталпашинской, где генерал И. И. Герман разбил 30-тысячный отряд трехбунчужного Батал-паши, самого его взял в плен и рассеял многочисленные скопища горцев, соблазненных идеей турецкого главнокомандующего – соединить, под главенством турок, племена горские от устьев Кубани до Каспия и отбросить русских от гор Кавказа². Нет сомнения, что турецкое влияние не было чуждо Карачаю,

¹ На этом месте и сейчас показывают огромный камень – Боташ-таш (Боташев камень).

² Погром Батал-паши на берегах Кубани 30 сентября 1790 г. // Журнал кампании генерала И. И. Германа. Екатеринбург, 1896.

и чиновники султана часто проезжали по Кубанскому и Тебердинскому ущельям, следуя из Сухума, через местные удобные перевалы в крепость Хаджи-кала (близ нынешней Беломечетской станицы). Так мне передавали карачаевские старики. Русские покорили Карачай только в 1828 году¹. В начале этого года карачаевцы принимали деятельное участие в битве генерала Антропова с кабардинцами у станицы Незлобной; побежденные спаслись в Карачае, русские преследовали их; это обстоятельство дало последним возможность удостовериться, что горные твердыни, вопреки установившейся молве², хотя с трудом, но доступны даже для артиллерии. Осенью того же года областной начальник Кавказского края и командующий войсками на Линии, в Черномории и Астрахани, генерал от кавалерии Георгий Арсениевич Эммануель³ решил двинуться на

¹ Покорение Карачая // Кубанские ведомости. 1896. № 184 (статья составлена г-ном N на основании документов, сообщенных внуком покорителя Карачая, генерала Г. А. Эммануеля).

² Броневский С. Известия о Кавказе. 1823. Ч. 2. С. 10.

³ Г. А. Эммануель, серб по происхождению, родился 2 апреля 1775 года в г. Вершице, в Банате, который в 1778 году был присоединен к Венгрии с упразднением в нем обер-княжества; тогда же отец Эммануеля был причислен к венгерскому дворянству и сохранил титул обер-князя. С раннего детства Г. А. обнаруживал страсть ко всему военному; обучаясь в вершицкой школе и усердно занимаясь науками, он все свободное время проводил в военных играх с товарищами. Тринадцати лет с толпой сверстников он спас родной город от вторжения турок; этот подвиг послужил началом его военной славы.

В 1792 году поступив на военную службу, он участвовал во многих сражениях, получил несколько тяжелых ран, за что и был награжден золотой медалью с надписью: «За храбрость». Прослужив затем некоторое время в венгерской гвардии, он просил у императора Павла I разрешения поступить на русскую службу, на что и получил согласие императора. В 1797 году прибыл он в Россию, где вскоре обратил на себя внимание государя и был зачислен поручиком в лейб-гусарский полк; в 1808 году он был назначен шефом Киевского драгунского полка, во главе которого и совершил всю кампанию 1812–1814 гг., покрывшую его славой. За подвиги при защите знаменитого Шевардинского редута он получил орден Святого Георгия IV степени; кроме того, за отличное участие в дальнейших сражениях он был награжден многими орденами, не только русскими, но и иностранными. Во время боя он всегда находился в первых рядах и, не щадя своей жизни, нередко примером своим воодушевлял подчиненных. Так, в битве при Кадбахе, Эммануель, видя, что войска начинают приходить в расстройство, первый бросился в неприятельские ряды с криком «Ура! В штыки!». Ободренные его примером, расстроенные войска единодушно ударили по неприятелю и сбили его с важной позиции. По окончании войны он в чине

Карачай и лишить его возможности на будущее время делать набеги на жителей равнины. Русские войска вступили в ворота Карачая 20 октября 1828 года. Эммануель в «Известии жителям Кавказской области» так повествует об этом походе: «*Ставрополь, октября 30-го дня 1828 года.* Фермопилы Северного Кавказа взяты нашими войсками, и оплот Карачаева, у подошвы Эльбруса, для всех горских народов, враждебных России, помощью Божией и храбростью войск, под личным моим предводительством, разрушен. Сражение с карачаевцами произошло сего октября 20-го числа; оно началось в 7 часов утра и кончилось в 7 же вечера, с овладением последней высоты. Победа покрыла новой славой Российское воинство, в сем деле участвовавшее. Потеря наша, при поражении неприятеля, состояла – в убитых: обер-офицерах – 3, унтер-офицерах – 2 и рядовых – 32; ранены: Горского казачьего полка командир майор Верзилин, обер-офицеров – 3, унтер-офицеров – 13 и рядовых – 103. После сей важной для Кавказской области победы войско наше 21 октября достигло, уже без боя и малейшего сопротивления карачаевцев, главного их аула Карт-Джурт, и до прибытия еще к оному, почти в одно время с нарочно посланным к нам, прибыл и от оных поверенный с просьбой о милосердии и пощаде, с обещанием исполнить все требования; почему их аул и огражден был караулом от всякого разорения. Двадцать второго октября представился лично мне их повелитель, валий Ислам Крым-Шамхалов, со всеми старшинами, и подал прошение, при сем прилагаемое, именем всего народа, которое было принято. Двадцать третьего октября как он со всеми старшинами, равно и весь карачаевский народ присягал на верность подданства Государю Императору, с представлением от него, Крым-Шамхалова, равно и от трех еще первейших фамилий, аманатов. За окончанием, таким образом, сего важного дела для будущей безопасности и спокойствия Кавказской области, войско выступило 24 октября в обратный путь, и я прибыл в Ставрополь 29 октября.

Подписал: генерал от кавалерии Э м м а н у е л ь».

Прошение карачаевцев содержало следующее:

генерал-лейтенанта, с покрытой орденами грудью, отправился на родину для свидания с престарелым отцом, а по возвращении в Россию получил в командование 4-ю драгунскую дивизию. В 1826 году он был назначен на Кавказ командующим войсками. В этой должности он оставался до 1832 года. Покинув Кавказ, он поселился в Елисаветграде, где и скончался 14 января 1837 года (Кубанские ведомости. 1896. № 184).

«Его Превосходительству
командующему войсками
на Кавказской линии и в Черномории
и начальнику Кавказской области
господину генералу от кавалерии
и кавалеру Георгию Арсениевичу Эммануелю
от карачаевских владельцев,
нижеподписавшихся, и черного народа

П р о ш е н и е

1. Повинуясь воле Вашего Превосходительства, обязуемся отныне и впредь ни в чем не провиняться против России, и виновных людей, как то: кабардинцев и прочих, к себе отнюдь не принимать и к ним не приобщаться; быть всегда Российскому Престолу верно-подданными и подтвердить то присягой, и все, нами наперед похищенное – людьми, скотом и прочим имуществом – без изъятия под присягою возвратить.

2. В удостоверение вышеописанного, даем из назначенных вами четырех фамилий аманатов.

3. Буде через наши земли пройдет многочисленное черкесское войско для вторжения в Россию, коих мы не в состоянии будем удержать, в том нас не обвинять; но только тотчас обязаны о том дать знать, а за тех, коих мы удержать будем в состоянии, отвечаем.

4. Если кто имеет из подданных Российскому Императору, подобных нам мусульман, на нас какую-нибудь претензию или мы на них, предоставить нам разобратся по нашим обычаям – шариатом.

5. Для меня и торговли учредить нам на речке Куме, у крепости Хахандуковской, меновой двор, дабы мы могли получать там соль, железо, товар и хлеб, и были бы пропускаемы в пределы России по своим надобностям.

Обо всем вышеописанном мы все, карачаевские старшины и весь народ, прибегая к милосердию Вашего Превосходительства, всенижайше просим о принятии нас под свою великодушную пощаду и об оказании нам неограниченной милости.

На подлинном, за неумением грамоты никакой, приложившие перстами чернильные знаки: всего карачаевского народа валий *Ислам Крым-Шамхалов, Мудар Каджаков, Темиргок Карабашев, Аслан-Мурза Дудов, Бек-Мурза Коджаев, Джанкот Карабашев, Хаджи-*

Ибрагим Боташев, Наны Дудов, Басиат Карабашев, Тау-Мурза Коджаков.

С подлинного переведил капитан С о к о л о в».

Подлинник был написан на турецком языке.

Валий Ислам Крым-Шамхалов произнес следующую речь в присутствии генерала и офицеров: «Счастливы вы, что удалось вам проникнуть в скрытные жилища наши; мы так уверены были в невозможности этого, что даже во время самого сражения никто из нас не посчитал нужным отправить жен и детей своих в безопасное место; но ваше счастье нас одолело. Мы были самыми верными приверженцами Порты Оттоманской и никогда ей не изменяли; она изменила нам, оставив нас без защиты и не умев удержать крепости своей – Анапы. Будьте же теперь нашими повелителями: мы не изменим своему слову. Вы оградили наши семейства, даже и имущество, от разорения и тем приобрели уже нашу признательность».

В 1829 году генерал Эммануэль предпринял разведочную экспедицию в Карачай, пригласил участвовать в ней и ученых: Академия наук командировала адъюнкта Ленца (физика), адъюнкта Дерптского университета Мейера (ботаника), хранителя зоологического кабинета академии Менетрие (зоолога), чиновника Горного департамента Вансовича (геолога). Двадцать девятого июня отряд выступил из Пятигорска. Карачаевцы всполошились, но генерал успокоил присланных старшин, объяснив цель экспедиции. В горах экспедиция была встречена проливными дождями, так что только 8 июля отряд добрался до истоков Малки, где и расположился лагерем. Девятого июля академики начали подъем, но десятого вернулись в лагерь, не одолев трудностей пути; только Ленц с казаком и двумя горцами продолжал подъем, но и он, не дойдя 600 футов до вершины, повернул назад. Между тем отыскался один кабардинец, именем Киллар, который поднимался отдельно от прочих и в 11 часов утра показался на вершине Эльбруса. Генерал Эммануэль первый заметил его на вершине и приказал стрелять из орудий. Киллар получил 400 рублей награды. Двадцать первого июля экспедиция была уже в Пятигорске; результатами ее были богатые минералогические, ботанические, геологические коллекции; далее, академики открыли свинцовую руду (на Худесе), залежи каменного угля и других минеральных богатств; офицеры же Генерального штаба произвели топографические работы. Словом, край был всесторонне исследован. Эммануэль был избран почетным членом Академии наук.

IV

Вопрос о времени заселения карачаевцами бассейна верхней Кубани. – Характеристика карачаевцев и их поэзии с этнографической точки зрения. – Поэтические сказания карачаевцев: 1. Сосура и эмеген Пятиголовый, 2. Алауган, 3. Генджакешауай, 4. Смерть Орюзмека, 5. Чуэрдэ (песня), 6. Княгиня Сатанай.

Решать вопрос о времени заселения карачаевцами бассейна Верхней Кубани преждевременно; на предания, говорящие о пяти-вековом их пребывании здесь, полагаться рискованно. Необходимо, во-первых, осветить эти предания с помощью крымских хроник, во-вторых, проследить историю турецкого владычества на Кавказе, историю и предания кабардинцев, сказания алты-кесек-абаза. Мало этого, абхазские и сванетские предания должны бросить свет на условия их пребывания на Кавказском побережье и на Баксане. Кроме того, любопытны должны быть результаты сближения истории балкарцев (они же малкарцы) и чегемцев с данными истории карачаевцев. Не менее важно определить насельников бассейна Верхней Кубани, живших непосредственно до карачаевцев, а это был народ, по некоторым признакам, достаточно культурный: умел строить башни (например, башня Мамаи близ Хурзука), был знаком с греками, исповедовал христианскую религию; на это указывают церкви византийской постройки, например, вверх по Теберде, на реке Шоан (XI век). Предположение о том, что здесь раньше жили осетины¹, пока не подтверждается солидными аргументами: необходим ряд археологических и этнографических исследований, чтобы эта гипотеза обратилась в незыблемый исторический факт.

Карачаевцы, народ тюркского происхождения, все родное, тюркское, потеряли (даже тип), но сохранили самый консервативный элемент в жизни каждого народа – язык: он близко подходит к наречию ногайскому, казанскому и к наречию горских татар Нальчикского округа. Даже по отношению к своему эпосу они не всегда оригинальны: многие из их былин схожи с былинами горских татар², на эпосе которых отразилось влияние осетинских сказаний; быть может, это влияние непосредственно действовало на поэзию карачаевцев во время их пребывания на Баксане. Вопрос этот разрешит сравнительное изучение эпоса балкарского, чегемского,

¹ *Миллер Вс.* Осетинские этюды. Ч. 3.

² Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Т. 1. Ст. г-на Урусбиева.

осетинского и карачаевского. В настоящее же время только можно сказать, что впечатление, получаемое при чтении карачаевских сказаний, однородно с тем, какое производит на нас чтение многочисленных, великолепных переходных рассказов, издревле тянувшихся из Азии через Кавказ в Европу: тот же дуализм, та же борьба добра и зла, света с тьмой, надземных богатырей с подземными, «нартов» с «эмегенами». Даже любимый богатырь, знаменитый Сосрука¹, мощный рыцарь на коне, с собакой, не создан фантазией ни карачаевцев, ни чегемцев, ни даже осетин: это международный тип азиатско-русского богатыря. Вместе с тем читателя поражает контраст между такими грубыми по замыслу рассказами, как «Повесть об Алаугане», и такой грациозной новеллой, как «Сказание о княгине Сатанай», напоминающей, в общем, одну из новелл Боккаччо (новелла VIII седьмого дня): читатель видит, с одной стороны, проявление грубой стихийной неосмысленной силы чудовищного богатыря, с другой – симпатичный образ нежной и умной женщины; происхождение последнего типа опять-таки следует искать не у карачаевцев, а, по крайней мере, у осетин (сатана). Перейдем теперь непосредственно к карачаевским сказаниям.

1. Сосрука и эмеген Пятиголовый

(Записано от Будуйана Джанкезова, 63 лет, в Карт-Джурте).

Жил когда-то богатырь; звали его эмегеном Пятиголовым. Ел он так много, что в один обед всех карачаевцев объедал. Услыхал про него знаменитый нарт Сосрука, услышал, что он в один обед всех карачаевцев объедает, и пошел к эмегену Пятиголовому.

Увидел эмеген Сосрука и спросил его:

– Не знаешь ли ты человека именем Сосрука? Не видел ли где его?

– Я видел Сосрука и знаю его нартские забавы: не раз бывал очевидцем.

– Расскажи же мне, каковы его нартские забавы.

– Вот какой силач Сосрука, уж если ты хочешь знать о нем: бросает он в огонь железную палку, раскалится палка добела, тогда проглотит ее Сосрука и выпустит из себя, и ничего с ним не делается.

– Таковы-то забавы у Сосрука! Это пустяки! Разве это диковина? Я то же сделаю! – сказал эмеген Пятиголовый.

¹ У чегемцев и балкарцев – Сосруко.

Раскалил добела он железную палку, проглотил ее, выпустил из себя и остался жив.

– Я еще знаю забаву Сосрука, – сказал Сосрука.

– Какая же?

– На горе, на высокой скале живет у нас такой же богатырь, как ты, эмеген; бросает он оттуда огромные камни. Сосрука ждет внизу, под горой, и головой отбрасывает эти камни обратно на вершину – так сказал Сосрука эмегену.

– Покажи же, какой величины те камни.

Сосрука показал эмегену. Собрал эмеген на вершине груды огромных камней, сошел в долину, устался пятью головами и ждал. Полетели вниз камни, быстро бросал их один за другим Сосрука, но также быстро эмеген отбрасывал их своими пятью головами и возвращал их на вершину горы.

И с помощью этой хитрости не мог Сосрука умертвить эмегена.

– И за такие-то подвиги Сосрука у вас прославили! Для меня эти камни – сущие пустяки: будто вши кусают.

– У Сосрука есть еще третья забава: среди самой холодной зимы Сосрука выходит на середину большого озера и там ждет, пока это большое озеро не замерзнет; тогда он поднимает весь лед с озера и так идет.

– Хорошо, – сказал эмеген, – и я то же сделаю.

Полез он в озеро. Прошло пять дней, и замерзло озеро. Пришел тогда к нему Сосрука и сказал:

– Теперь поднимай!

Стал эмеген подниматься – лед стал трескаться. Сосрука закричал:

– Стой! стой! Я забыл еще одну его забаву.

– Все припомни – все я исполню, – сказал эмеген.

– Сосрука так делал: поднимал лед, как ты сейчас, а под него соломы в несколько стогов накладывал, и ждал опять пять дней, пока все не замерзало.

Навевял эмеген соломы, подложил под лед и ждал. Пришел на шестой день Сосрука.

– Теперь срок наступил: поднимай!

Эмеген стал подниматься и не мог встать. Потянулся и рвался, качался, напрягал все силы, но не мог встать.

Тогда эмеген сказал:

– Ты обманул меня: ты не простой человек, а ты сам и есть настоящий Сосрука. Чего ж ты хочешь от меня? Убить? Хитрец! Ты до-

конал меня, и теперь я убежден, что ты настоящий Сосрука и меня не помилуешь, и не простишь, и, не убивши, не выпустишь.

Обнажил Сосрука шашку и отрубил у эмегена четыре неговорящих головы, а птяую, говорящую, не смог.

– Не трудись понапрасну, не бей и не мучь ни себя, ни меня: не отрубить моей головы твоей шашке, а вот в замке (кала) моем ты найдешь сундук, огромный и черный; в нем лежит шашка моя богагырская. Достань ее, принеси сюда, и тогда ты отрубишь мою голову и прекратишь мои мучения. А когда отрубишь мне голову, рассеки мой хребет, достань оттуда мозг и подпояшься им. Вот тебе мой совет, вот тебе мое завещание!

Пошел Сосрука к замку эмегена, вошел в башню, увидел сундук, огромный, черный; подошел к нему, но не стал открывать его голыми руками. Взял он длинную железную палку, приподнял этой палкой крышку тяжелую, и вылетела оттуда, как пуля, шашка эмегена сама собой, свистнула в воздухе и пополам рассекла железный столб, стоявший посреди палаты. Тут она упала. Подошел к ней Сосрука, хотел поднять – не смог: так была она велика и тяжела. Поволок он ее за собой. Эмеген думал, что шашка рассекла Сосрука надвое. Опечалился он, когда увидел, что Сосрука идет к нему невредимый и саблю волочит за собой. Подошел Сосрука к эмегену, поднял саблю с большим трудом, обеими руками, и отрубил эмегену последнюю голову. Рассек ему хребет, вынул мозг, отыскал огромную сосну в два обхвата толщиной и обмотал мозгом ствол: дерево тотчас упало, перерезанное на столько кусков, сколько раз он его обмотал. Так Сосрука освободил карачаевский народ от чудовища-эмегена.

2. Алауган

(Записано от того же)

Жил когда-то в одном ауле бедный крестьянин; был у него сын громадного роста, звали его Алауганом. Он мог сразу съесть целого быка, а хлеба столько, сколько могло выйти из 20 пудов муки. Бедняки-родители не могли прокормить такого обжору, пошли раз к обществу и стали просить у него помощи. Сельчане обратились за советом к одной столетней старухе.

Посланные спросили:

– Что нам делать с Алауганом? Он нас скоро объест, и у нас скоро не останется скота.

Старуха отвечала:

– Возьмите Алаугана, отведите его к морю: там ловится много рыбы, пусть он ловит рыбу и питается ею; никогда он не переловит всей.

Послушались старухи: взяли Алаугана, повели к морю. Долго шли они. Алауган съел весь запас пищи, так что, когда показалось море, они чуть не умирали от голода. Поняли они, что это может кончиться для них плохо: они сами попадут к Алаугану на обед; решили они тогда обмануть его.

– Каждый день, Алауган, с моря тебе будет доставляться пища. Повремени и смотри на море.

Сказав это, они незаметно скрылись и вернулись домой. Алауган послушался их и все время стоял и смотрел на море, ожидая с нетерпением пищи. На третий день видит он: скачут по морю три жеребца-тарпана – один вороной, другой белый, третий золотистый. Впереди себя они гнали великое множество рыбы; она в испуге бросалась на берег; некоторые рыбы были величиной с сосну. Наигравшись вдоволь, тарпаны умчались в море, а рыба издохла. Алауган тогда хорошо наелся.

Проголодавшись и не видя тарпанов, Алауган подумал: «Если бы последовал я в море за тарпанами, я наловил бы рыбы вдоволь на долгое время». Стал он караулить тарпанов, он желал поймать сначала белого. Но не удалось ему поймать белого, поймал он золотистого.

Конь сказал ему человеческим голосом:

– Зачем я тебе, Алауган, нужен?

Алауган отвечал:

– Господь меня создал для жизни, а я умираю от голода: вот я и поймал тебя; буду ездить на тебе и добывать себе пропитание.

Тогда золотистый тарпан опять ему сказал:

– Ты сумел меня поймать, – как-то ты сумеешь на мне ездить и мной управлять! Я не конь, не тарпан для таких дураков, как ты, Алауган; я назначен для тех, кто хочет бежать из ада в рай. Не тебе владеть мной! Испытай-ка меня: отруби сейчас одну из моих четырех ног.

Алауган отрубил.

– Ты, конечно, удержишь ее в руках?

– Да, держу в руках.

– Посмотри на мои ноги.

Посмотрел Алауган на ноги тарпана, видит: целы все ноги.

– Вот ты отрубил мне ногу, да не отрубил. Посмотрим теперь, как-то ты меня привяжешь.

Привязал Алауган тарпана к большой ели крепко-накрепко.

– Вот так буду тебя привязывать во время моих нартовских поездок, – сказал он.

Рванулся тарпан и с корнем вырвал 40-аршинную ель, толщиной в 20 вершков. От такого страшного шума испугался Алауган и убежал в соседний лес. Но недолго он там пробыл: захотел есть и заплакал. Подбежал к нему тарпан, уже оседланный стальным седлом со стальными подпругами.

– Теперь я буду тебе служить, Алауган, а ты не сомневайся во мне и надейся на меня. Тебе не придется кормить меня: я питаюсь только железом, а если его нет, то нахожу в горах железную руду и грызу ее.

Сел тогда на тарпана Алауган и поехал в родной аул. Трудно было там жить Алаугану с его лошадей. Конь ему и говорит:

– Отведи меня на вершину горы, Алауган; там я буду сам питаться, что найду; когда же тебе понадобится, ты позвени уздечкой над водой, и я тотчас же буду перед тобой.

(Далее рассказывается о желании Алаугана жениться, поисках невесты, встрече с чудовищной женщиной-эмегеном, путешествии в подземные чертоги, увозе молодой эмеген, приезде их в аул Алаугана, пожирании невестой Алаугана детей, вышедших им навстречу и, наконец, о свадьбе Алаугана. Рассказ о женитьбе Алаугана напечатан в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (Т. 1. Отд. 2. С. 7–11); записанный же мной весьма немногим отличается от записи г-на Урусбиева).

3. Генджакешауай¹ (Записано от того же)

Жил когда-то нарт Алауган. Была у него жена-эмеген, такая сильная, что ни в чем муж не решался ей перечить и боялся ее. Детей у них не было, хотя они рождались ежегодно. Происходило это оттого, что жена Алаугана пожирала их тотчас после их рождения². Так прошло несколько лет, и ни одного ребенка Алауган не мог спасти. Пошел он к старику очень древнему³ попросить совета. На ту пору жена Алаугана была тяжела. Старик ему сказал:

¹ У горских татар Пятигорского округа – *Кенджокаев-Кара-Шауай. Шауай* – по-кабардински, грозный юноша. Рождение Г. сходно с записью г-на Урусбиева.

² В записи г-на Урусбиева этот факт опущен.

³ У г-на Урусбиева – к княгине Сатанай.

– Пройдет 9 месяцев и 9 дней, и она родит сына, который будет сильнее тебя и матери. Ты его спаси таким образом: когда наступит время ей родить, пусть она сядет на трубу и так рождает, а ты будь внизу: подменишь ребенка щенком. Пусть она его и сожрет.

Послушался Алауган старика, подменил ребенка щенком; а сам взял сына и поскакал к Минги-тау (Эльбрусу). Когда он несся над горой, конь под ним споткнулся, и Алауган уронил ребенка в глубокую трещину во льду¹. Затосковал Алауган и не хотел даже домой возвращаться, решил по свету развеять свое горе.

Скоро он приехал к какому-то народу. Там все стали удивляться росту и красоте нарта. Наконец, вышел один из толпы и спросил:

– Кто ты? За какой нуждой и откуда к нам приехал?

Отвечал им Алауган:

– Было нас трое братьев; я был самый старший; был я женат, и сын у меня был. Но возненавидел народ всю нашу семью: взял я своего сына и бежал в горы. Когда ехал я через Минги-тау, упустил своего сына Генджакешауая в трещину во льду, что называется Буггый.

Народу стало жаль нарта: решил он пойти на поиски, не смогут ли спасти нартова сына. Выбрали пятьдесят человек. Пошли они туда, где уронил Алауган сына, поставили там столб, построили шалаши и стали искать. Но не все 50 человек там работали: трое отстали и только на другой день стали догонять товарищей; увидели они столб, остановились и недоумевали, что бы это значило. Наклонились они над пропастью и увидели детскую голову и руки мальчика, который держал ледяные груди и сосал их. Стали они думать, что им делать. Выбрали шапа² и послали его к народу с известием, что сын Алаугана нашелся и жив.

Народ сказал шапе:

– Если ты не обманываешь, то мы тебе с каждого семейства дадим по мере пшеницы; если же ты обманываешь – голову долой!

Шапа согласился. Тогда весь народ пошел к Минги-тау и там увидел поставленных над пропастью часовых. Там все увидели великана-ребенка, который в обеих руках держал ледяные груди и сосал их. Мальчик молчал: ему было только 6 месяцев. Принесли много ковров и теплой одежды, спустились в пропасть, подняли мальчика наверх; хотели понести, но не могли; хотел его поднять сам отец, но и тот не смог. Тогда решили оставить его на месте. Про-

¹ Положил в трещину во льду и поручил горным духам охранять ребенка (у г-на Урусбиева).

² Посланец, прислужник.

шло 6 месяцев, народ снова собрался к Генджакешауаю. Алауган стал благодарить народ за помощь, за то, что спасли сына.

– Нет, не тебе, отец, надо благодарить народ, а пусть он тебя поблагодарит, – сказал Генджакешауай.

Народ оскорбился.

– Потому пусть народ тебя поблагодарит, – продолжал нарт, – что он будет скоро мной избавлен от большого несчастья.

– Какое же несчастье может приключиться с нами? – спросил народ.

– Через пять лет у вас все реки должны высохнуть, а вы будете радоваться, если выпьете глоток из грязной лужи. Вот тебе, отец, рыбий глаз. Возьми его и лижи, и тогда у тебя сила увеличится – так сказал Генджакешауай отцу и дал ему белый камень.

– Змей теперь мне делает кибэ (кольчугу). Я надену ее, как подарок, на Махаре (местность), и тогда будет мне имя Генджакешауай (неизвестного значения). На вершине горы сидит двенадцатиголовый змей Сарубек, он-то и выпивает всю воду. Когда я был в трещине, я питался молоком Сарубека; теперь же Аллах меня послал, чтобы я своим мечом убил Сарубека, тогда воды везде будет вдоволь – так сказал Генджакешауай.

Прошло 5 лет. Наступила засуха: Сарубек сушил землю. У нас и теперь говорят во время засухи: от дыхания Сарубека камни трескаются.

Генджакешауай отправился на гору и убил двенадцатиголового змея, и всю страну освободил от засухи. Тогда Генджакешауай взял своего отца и вернулся на родину. Матери не оказалось дома. Стали они жить вдвоем и очень бедно: у Генджакешауаи была только одна рубаха, черкеска и бурка. Отец подарил ему коня Гемуду. Сказал однажды Алауган сыну:

– Есть у меня лошадь, сын; она теперь под землей в конюшне, питается она там железной рудой. Это мой богатырский конь. Теперь его дарю тебе.

Привел он Гемуду, а тот притворился дряхлым, хромым.

– Это не конь, а кляча, – сказал Генджакешауай, – и не мне на нем ездить.

Конь рассердился, взмахнул головой и ударил Генджакешауаю; тот заплакал.

– Эх ты, сын прожорливого, что ты за наездник для меня, если плачешь! – так сказал человеческим голосом Гемуда. – Куда ты хочешь ехать? Хочешь через море плыть или лететь между небом и

землей, или скакать через горы, реки, долины? Скажи только: «Бисмилла!» – и ты будешь там, где хочешь!

– Я очень испугался, – сказал Генджакешауай. Ты меня поразил так, что не могу прийти в себя.

– Ну теперь, – сказал Гемуда, – поминай море, морское счастье, ударь меня и скажи: «Бисмилла!».

Генджакешауай так и сделал. В один миг он очутился на морском берегу.

Гемуда сказал:

– Ты видишь другой берег? Я тебя туда перенесу, если хочешь.

Конь бросился в море и поплыл. Хотел его Генджакешауай повернуть к берегу назад, но не мог, только коню рот до половины разорвал. Только среди моря конь сказал нарту:

– Хочешь вернуться назад? Я тебя выведу на берег.

– Смерти не миновать, – сказал Генджакешауай, – да мне и стыдно вернуться домой не совершив ни одного подвига. Не вернусь назад! Плыви вперед!

Конь встряхнулся – Генджакешауай испугался: ему казалось, что вот-вот он свалится в воду. Он стал раскаиваться.

– Нет, лучше пешему идти, нежели по воде ездить. Вернись, пожалуйста, на берег: я хочу домой.

Конь повернулся и быстро вынес Генджакешауаю на берег. Слез нарт, посмотрел на рот коня: рот был цел.

«Это наваждение было, – подумал он, – мне это все привидилось. Отпущу-ка коню подпруги: пусть поест». Но не подпруги он увидел: с боков коня подымались огромные орлиные крылья; хотел Генджакешауай поправить нахвостник, смотрит: вместо хвоста, длинный рыбий хвост. Испугался Генджакешауай и сел на камень. Конь встряхнулся.

– Садись на меня, – сказал конь.

Генджакешауай сел. Конь взмахнул крыльями, и полетел. Сильно махал он крыльями: море раздвинулось, и тогда Генджакешауай увидел двух других коней – белого и вороного.

Гемуда спросил:

– Что ты видишь?

– Я вижу то, о чем рассказывал мой отец.

– Не бойся! Зажмурь глаза и спи крепким сном.

Летел Гемуда, как ветер, а Генджакешауай спал крепким сном. Слышит вдруг он во сне конское ржание. Открывает глаза и видит: целый табун коней несется на них; окружили и не пускают. Только что Генджакешауай хотел сосчитать коней, как Гемуда поднялся

вверх и вынес его на берег. Генджакешауай отдохнул. Тогда подошел к нему Гемуда и сказал:

– Садись на меня, ударь меня и скажи: «Бисмилла!».

Генджакешауай так и сделал. В один миг он очутился на родине, в ауле, и с ним вместе весь табун морских коней.

Гемуда сказал:

– Ты и я вскормлены одною матерью-водяною. – Потом он сказал: – Вот тебе весь табун. Он твой, пользуйся им, продавай; пусть тебя минует всякая нужда. Когда же весь табун переведешь и у тебя будет надобность во мне, я явлюсь. Ты только возьми узду, думая обо мне, подойди к воде и позвени уздой: я тотчас явлюсь.

4. Смерть Орюзмека

(Записано от Хассана Алиева, 77 лет)

Жил на свете пастух; до пояса он был человек, как и все, а ниже пояса был сотворен из свинца. Ему было предсказано, что он умрет, когда женится: свинцовая часть его тела тогда должна растопиться. Поэтому он тщательно избегал женщин; никогда не ходил по большим дорогам, выбирал все проселочные; ходил ночью, нигде не останавливался, не спал, даже не ложился. Жила недалеко от его аула красавица Шаулук Инджи. Она все не выходила замуж, так что в ауле стали говорить: «Орюзбек не женится, пока арукыз (красавица) не выйдет замуж». А не выходила арукыз замуж еще и потому, что желала обладать несметными богатствами Орюзмека. Хотела она обмануть нарта, ибо была волшебница. Отправился однажды Орюзбек в путь-дорогу. Застала его вьюга, тьма накрыла свет. Замечает нарта; приходится умирать. Видит он: блестит огонек.

«Все равно замерзну, – подумал Орюзбек, – изменю своему закону – зайду в дом и обогреюсь».

Вошел он в приемную; там его ждали прислужники, а в кунацкой его встретили гости. Это был дом волшебницы-арукыз. Сама она не показывалась. Угощали Орюзмека, напоили допьяна, повели в спальню и уложили спать. В полночь он проснулся: почувствовал он, что лежит с ним женщина; она обнимала его. Испугался Орюзбек – отвернулся; женщина на другую сторону перепрыгнула и жметя к нему, целует его. Орюзбек опять отвернулся – она опять перепрыгнула. Сколько он ни бился – она не отставала. Замучила его, соблазнила. Растопилась нижняя часть тела Орюзмека, и в ту же ночь он там и умер, а волшебница-арукыз объявила себя его женой и стала владеть всеми его стадами.

5. Чуэрды

(Песня, записанная от Хассана Алиева)

Выезжали из Кабарды шесть нартов; один выехал от абадзехов. Тронулись в путь. Так они ехали, постегивая коней своих. Приехали они к алты-кесек-абаза. Там княжил Чуэрды. Приехали к замку Чуэрды. Спрашивают:

– Чуэрды дома?

Отвечали им:

– Нет дома Чуэрды!

Опять они сиросили:

– Где же Чуэрды?

Отвечали им:

– Чуэрды поехал в аул посмотреть табун свой. Он сегодня вернется.

Отцом Чуэрды был слепой Курж; он просит гостей слезать:

– Будете гостями!

Была у него кунацкая из меди. Он пригласил их туда, запер там, а кругом костры приказал развести. Так поступал он с нелюбимыми гостями. Пошел он утром узнать, живы ли они или умерли уже. Едва живые, они ползали по комнате. Сжалился он: растворил двери, освободил их, выпустил на волю. В ту же ночь приехал домой Чуэрды. Старший нарт Борай так говорил товарищам:

– Если угодно Чуэрды наше прибытие, он придет к нам в волчьей шубе, надев ее в рукава; если же наше прибытие не нравится ему, то наденет ее внакидку.

Чуэрды явился, надев шубу в накидку.

– Здравствуйте! – сказал он.

– Добрый день, Чуэрды, – те отвечали.

– Куда, едете? Чего ищете?

– Едем мы прогуляться, а к тебе завернули расспросить про страны, про воды-реки.

– Я тогда только поеду с вами, – сказал он, – если вы пойдете в мой табун и приведете ко мне мою кобылицу. Придете вы в табун, покажите лошадям мою уздечку. Если подойдет к вам моя кобылица, я еду с вами; если не подойдет, я вам не товарищ.

Пошли нарты в табун, показали лошадям уздечку Чуэрды – не подходит кобылица. Погнались они за нею, насильно поймали и привели к Чуэрды. Угадал Чуэрды, что насильно поймали лошадь.

– Не добрый путь нам предстоит, – сказал он, – лучше вернитесь на родину, а я останусь дома. Все мои табуны – а там одних только жеребцов 2 тысячи – все подарю вам, только вернитесь на родину.

Обиделись они и сказали:

– Не получать подарки выехали мы из дому, а чтобы посмотреть, что делается на белом свете; а добра у нас у самих много: когда мы шили мясо, то на каждую душу режем по две тысячи баранов; у каждой души по 200 косяков лошадей есть.

Сказал тогда слепой отец Чуэрды, старый Курж:

– Сын мой! Довольно тянуть речи! Никогда я не видал еще таких назойливых гостей. Прощай! Я знаю, что ты уже не вернешься назад».

У Чуэрды был талисман, так что его и пуля не брала.

Говорил Чуэрды жене:

– Не забудь положить талисман со мной.

Но жена не послушалась и не зашила талисман в черкеску на спине. Выехали нарты. Подъехали к одному аулу.

– Разграбим аул, – говорят нарты, – повезем домой отвоеванное добро.

А Чуэрды говорит:

– Если мы разобьем такой ничтожный аул, нас бабы и девки засмеют и отнимут все добро!

Поехали дальше. Подъезжают они к другому аулу.

– Большой, богатый аул, разобьем его, – говорят нарты, – повезем домой отвоеванное добро.

А Чуэрды говорит:

– Если мы разобьем такой ничтожный аул, нас бабы и девки засмеют и отнимут завоеванное добро.

Поехали дальше. Наезжают на третий аул.

– Вот этот стоит разбить, – сказал Чуэрды.

Разграбили нарты аул, набрали много тюков шелковой материи; бросили подушки седельные, наложили пуховые шелковые подушки, узорами вышитые; сняли потники полстяные, накладывали бархат драгоценный. Этот аул принадлежал Исламу Калмукаеву, дяде родной матери Чуэрды. Узнал Калмукаев, что Чуэрды разграбил его аул, и сказал:

– Всякий раз, когда Чуэрды шел походом, он посылал наперед – сказать об этом. Почему же теперь он не сделал этого?

Стал он собирать войско, а Чуэрды тем временем бежал в горы.

Борай оглянулся и сказал:

– Сзади нас туман степной.

Чуэрды сказал:

– Это не туман степной, а пыль от войска.

Поскакали они еще быстрее. Войско было все ближе и ближе. Уже летели вверх комья земли, словно галки в небесах. Стали нарты тогда бросать тюки с награбленным добром. Нагнало их войско. Спешились нарты, вступили в бой. Увидел это князь Калмукаев, увидел, что это родной – Чуэрды, и хотел повернуть войско назад, но в это время выступил простой воин, великан ростом, и сказал:

– Могучий князь Калмукаев, ты, когда много неприятелей увидишь, пугаешься, а мало увидишь, в гости к себе зовешь.

Обидели эти слова князя. Пошел он к Чуэрды, вынул саблю и отрубил ему правую руку. Тот махнул левой и перерубил князя пополам. Загорелся бой. Чуэрды левой рукой убил множество врагов. Хотя ему никто еще не нанес другой раны, но он понял уже, что жена не зашила ему в одежду талисман. Снял он бешмет, изорвал его в клочья; все оружие свое привязал к седлу, сам зарядил ружье. Все были перебиты. Из всего войска оставались в живых только он да хромой старик. Дал он ему ружье и сказал:

– Стреляй в меня!

– Не могу, – отвечал старик.

– Если ты меня не убьешь, я тебя убью.

Старик выстрелил и убил Чуэрды. Понеслась кобылица домой и принесла весть, что храброго Чуэрды нет на свете. Из войска же вернулся домой только один хромой старик с известием, что все войско погибло, остался в живых только он один. Рассказывают, что все это случилось близ Гиагинской станицы.

6. Княгиня Сатанай (Записано от того же)

Жили на свете два нарта – Сосрука и Доуат. Никогда они друг друга не видали, но много слышали о подвигах каждого. Однажды на охоте в лесу они встретились и были очень рады, что познакомились; устроили они себе из кож оленьих палатку и стали жить вместе, охотиться в окрестных лесах. Как-то Доуат завел речь о женщинах, говорил, что каждую женщину, как бы она честна ни была, можно соблазнить.

– Ты ошибаешься, Доуат, – сказал Сосрука, – правда, у всех женщин головы похожи на комья снега, облепившего весной бурьян, и верно, что против такого красавца, как ты, женщине трудно устоять. Но только есть на свете одна женщина; она умнее всех женщин: ее никто не сумеет соблазнить. Эта женщина – Сатанай-биче, моя жена.

– Давай побьемся об заклад, что соблазню твою жену, – сказал Доуат.

– Хорошо, – сказал Сосрука, – я закладываю 9 дворов.

– А я 40 телушек и белого жеребца с золотистым хвостом.

Сосрука остался охотиться, а Доуат поехал в замок Сосруки.

Услышала княгиня – кто-то подъехал к замку; выбежала на двор, видит красавца Доуата.

– Я тебя принять не могу: нарт-бия¹ нет дома.

– Я это знаю, – сказал Доуат, – потому что я приехал прямо от него. А приехал я соблазнить тебя: мы с мужем твоим заклад заложили.

– Хорошо, – сказала Сатанай-биче, – ты очень красив и мне нравишься. Но так стоять нам вдвоем зазорно; сейчас полдень, и нас могут заметить: обо мне разойдется дурная слава. Дождемся вечера, а пока побудь в кунацкой.

Просит Доуат нарезать ему барана на шашлык.

– Мы бы резали тебе барана, – велела сказать Доуату Сатанай-биче, – да нарт-бия дома нет: некому нарезать.

Доуат сказал: «Мне не нужно мужчины, пришлите только годовалого барашка – сам нарежу».

Сатанай-биче послала барана, а сама стала смотреть в щелку, что будет делать Доуат. Нарт вынул нож, бросил его об землю – явились два прислужника: один зарезал барана, другой шкуру содрал. Доуат ходил по кунацкой и казался таким высоким и красивым, что княгиня Сатанай вздохнула и подумала: «Нарт красив; всякая женщина полюбила бы его, а я не поддамся». Послала она к нему верную девушку сказать, чтобы ждал ее поздно вечером. Девушку эту она раздела, посадила в корыто, чисто-начисто вымыла, нарядила в свои драгоценные одежды. Когда стемнело, она опять послала ее к нарту, наказав исполнять все, что он ни прикажет. До рассвета пробыла девушка с нартом. Когда стало светать, она поднялась.

– Подожди, – сказал Доуат, – надо положить мне на тебя метку.

Взял он самоцветный, сам собой раскалявшийся камень и прижег ей ногу, затаврил ее своим тавром: он считал ее за жену нарт-бия Сосруки.

Вернулся тогда Доуат к Сосруке в кош и сказал ему:

¹ Князь нартов. Сосрука считается главою нартов; иногда его заменяет Орюзмек.

– Постигло тебя горе великое, срам великий пал на твою голову: доселе непобедимый, опозорен ты навеки. Я соблазнил твою жену! Подавай теперь мои 9 дворов.

– Подожди еще, не спеши требовать, – сказал Сосрука, – нужны доказательства.

Вернулся он домой; сам чернее ночи, не ест, не пьет, не говорит и не смотрит на жену, словно ее нет в доме. Ходил он будто мертвый. Ждала жена, когда же заговорит с нею нарт-бий, – не дождалась; подошла к нему и стала спрашивать:

– Что ты так печален, муж мой? Девяносто лет мы прожили вместе с тобой в добром мире, а теперь ты гневаешься за что-то на меня.

– Кого только Дуоат проклятый ни обманывал! Нет! Не обмануть ему только моей жены, думал я, а ты поддалась ему!

– Не верь всякому, кто про меня дурное скажет. Впрочем, не смею я спорить с тобою, с князем нартов.

Опять Сосрука сказал:

– Уйди с глаз долой: не могу тебя я видеть.

– Хорошо, – ласково отвечала княгиня Сатанай. – Я скроюсь в тени, я уйду в места, где меня никто не увидит. Только позволь мне в последний раз напоить и накормить тебя из своих рук. После этого я скроюсь.

Он согласился. Она накормила его вкусными яствами, напоила его пьяными напитками: нарт-бий захмелел и уснул. Княгиня Сатанай собрала все свое добро и скрылась, ушла из замка со всей своей прислугой; внизу она переменяла свой костюм на мужской. Поселилась же она недалеко от замка. Долго спал Сосрука. Наконец проснулся он и удивился: никого в замке не осталось, все ушли за княгиней. Вышел он во двор, видит – бежит марал; бросился он за ружьем – нет ружья. Взбежал он на чердак высокий, нашел там лук без тетивы. Натянул вместо тетивы ремень, наложил стрелу и выстрелил; марал был ранен, но продолжал бежать. Бросился нарт вниз с чердака, побежал за маралом, а тот бежит-бежит, да и споткнется; наконец, упал марал – издыхает, а нечем его прирезать: нет ножа у Сосруки. Огляделся он, видит – стоит женщина-хаджи.

– Я тебе дам нож, – сказала хаджи, – только поклянись наперед, что исполнишь, о чем бы я тебя ни попросила.

Тогда Сосрука поклялся исполнить все, о чем бы хаджи его ни попросила. Хаджи дала ему тогда нож, и Сосрука прирезал марала.

– Чего ж ты желаешь от меня? – спросил тогда Сосрука.

– Я хочу, чтобы ты спал со мной.

Тогда нарт-бий удивился и сказал:

– Как это возможно: ведь ты духовное лицо, а я мужчина! Как тебе не совестно!

– Ты клялся; я требую!

– Нечего делать. Если ты требуешь, я должен исполнить свою клятву.

Тогда она приказала ему набросить на голову покрывало и так простоять несколько времени, а сама все с себя сняла и надела драгоценную княжескую одежду, и сделалась Сатанай-биче. Стоял Сосрука – надоело. Снял покрывало – видит: сидит перед ним княгиня Сатанай и смеется.

Сосрука удивился очень и сказал:

– Я, верно, с ума сошел.

Сатанай-биче сказала:

– О муж мой, князь нартов! Как ты мог не поверить мне и так на меня рассердиться, что прогнал меня?! А сам ты что хотел сейчас сделать? Ты не поверил мне, что я не уступила коварному Доуату; поэтому пойдем домой, я тебе приведу прислужницу, которая была с ним и которую он затаврил.

Сосрука при всех осмотрел девушку и увидел на ноге у нее выжженное тавро Доуата. Позвал тогда он его к себе, осрамил при всех и взял с него заклад – 40 телушек и жеребца с золотистым хвостом.

Так непобедимого нарта одурачила слабая женщина, двух богатырей победила хитроумная княгиня.

1897 г.

г. Екатеринодар

Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1898. Вып. 25. С. 49–91.

М. Алейников¹

КАРАЧАЕВСКИЕ СКАЗАНИЯ

Несколько слов от собирателя

В верховьях реки Кубани, по горным отрогам Эльбруса, в Балташинском уезде Кубанской области живет карачаевское племя татарского происхождения, населяющее несколько аулов. Говорит оно татарским языком и занимается, главным образом, скотоводством.

По преданию, карачаевцы живут в своей горной местности около четырехсот лет. Сначала их поселилось здесь немного, но с течением времени численность их увеличилась от наплыва различных пришельцев: сванов, мингрельцев, абхазцев, кабардинцев и русских беглецов, так что в настоящее время число их простирается до тридцати тысяч душ обоего пола. Вероисповедания они магометанского, но исповедуют эту религию, по-видимому, не особенно давно, ибо теперь еще есть столетние старики, которые уверяют, что они помнят то время, когда в Карачае было много язычников, евших свиное мясо.

Карачаевцы вообще народ довольно словоохотливый, любящий на досуге поболтать о разных предметах, преимущественно же о старине; в особенности они большие охотники до преданий о прошлом своей родины, охотники до рассказов о героях, о нартских богатырях или об огромнейших и безобразнейших эмегенах, великанах, чудовищах, обладавших сверхъестественной силой. Поэтому-то рассказов таких здесь довольно количество. Так, здесь встречаются почти все сказания о нартах, записанные г-ном Урусбиевым у татар Пятигорского округа², и имеют тот же самый характер, отличаясь

¹ Учитель Карачаевского горского училища.

² См.: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. (СМОМПК) 1881. Вып. 1. Отд. 2.

от них только в деталях. Кроме того, здесь есть еще рассказы о великанах неизвестного времени и предания о родоначальнике карачаевцев – Карчи. Мы собрали несколько таких рассказов и преданий, а из нартских сказаний поместили только те, которые не встречаются у г-на Урусбиева.

I. Ачимез и Хубун

На реке Терек, в местности, называемой Насыран жил, один из нарских богатырей по имени Ачи, а на левом берегу реки Кубани, близ укрепления Хумаринского, жил Хубун.

У Ачи было шесть взрослых храбрых сыновей, которые в разное время были убиты Хубуном. Лишившись своих детей, Ачи решился отомстить кровожадному Хубуну. С этой целью он отправил в его владения и, улучив удобное время, угнал его громаднейший табун лошадей.

Хубун бросился за ним в погоню, догнал его при устье Джегуты, правого притока реки Кубани, и здесь у них завязалась борьба, продолжавшаяся три дня и три ночи. Наконец Хубуну удалось победить своего противника. Тогда, убив Ачи, Хубун привязал его к хвосту его же буланого коня и пустил этого коня, на свободу. Верный конь притащил своего хозяина прямо домой.

Увидев Ачи убитым, старший брат его по имени Насыран возымел сильное желание отомстить убийце за его смерть.

Собрав своих верных нартских богатырей, в числе которых находился Сосруко, Рачикоу и другие, Насыран отправился во владения Хубуна, но, дойдя до того места, где Джегута впадает в Кубань, должен был остановиться, потому что не мог переправиться через реку, находившуюся в то время в сильном разливе. Делать было нечего, и Насыран расположился здесь лагерем, чтобы выждать более благоприятное время. Так он здесь простоял довольно долго, ограничиваясь только небольшими набегами на врагов.

А между тем в то самое время жена Ачи родила сына Ачимеза, который через неделю стал уже ходить, а через две, к удивлению всех, уже участвовал в играх детей. Однажды, играя с товарищами, Ачимез услышал от них упреки, что его отец убит и остается неотмщенным, а сам он, обладая такой силой, играет на улице и нисколько не думает о мести. Ачимез до сих пор ничего этого не знал. Услышав от товарищей об убийстве отца, он стал задумчив и все хотел знать, кто такой был убийца отца, но мать его, считая его слишком моло-

дым, чтобы отомстить за смерть отца, не решалась сказать ему, что Ачи убит Хубуном. Видя упорство матери, Ачимез стал советоваться со своими товарищами, каким бы образом выпытать у нее, кто был убийцей его отца.

Один из товарищей посоветовал ему попросить у матери горячей халвы¹ и при этом поступить следующим образом:

– Если она будет тебе давать на подносе, – сказал он, – ты не бери, а попроси, чтобы она подала тебе ее из рук; тогда ты сожми ей руку с халвой. Ей будет очень больно, и от боли она непременно ответит тебе, кто был убийцей твоего отца.

Ачимез все так и сделал и действительно узнал, как и от кого погиб его отец. Тогда он решил во что бы то ни стало, не медля, исполнить священный долг мести. Но у него не было ни лошади, ни оружия. И он обратился к матери:

– Не осталось ли от отца надежной лошади и оружия? – спросил он.

– Да, – отвечала она, – остались три любимые его лошади и оружие в черном сундуке, но только не тебе поймать и ездить на тех лошадях и носить то тяжелое вооружение.

Ачимез не обратил внимания на последнее замечание матери, а бросился в поле, поймал отцовского буланого коня, оседлал его (а конь все посматривал на него с недоверием), сел на него и три раза ударил его своей крепкой плетью. Конь при этом три раза поднялся к небу и три раза опустил на землю, но, чувствуя на себе крепкого седока, сделался покорным, как овечка, и сказал: «Никто еще на мне не ездил, кроме твоего отца, но клянусь, что я буду тебе служить так же верно, как и ему, потому что ты стоишь его».

После этого Ачимез и конь его поклялись друг другу в верности, и Ачимез, надев на себя тяжелое вооружение своего отца, отправился на Кубань исполнить задуманную месть. К вечеру он добрался до Кубани, верстах в трех выше того места, где находился отряд его дяди, и, несмотря на сильный разлив воды, переправился на левый берег реки, разложил здесь большой костер и расположился на ночлег.

В отряде Насырана скоро заметили костер и подумали: «Не явился ли сюда Хубун?»

Поэтому решено было непременно узнать, кто там и зачем. Но так как охотника добровольно исполнить это решение не было, то

¹ Х а л в а – сладкое кушанье, состоящее из меда, пшена, толченых орехов и муки.

предводители решили между собой бросить жребий, кому отправиться к костру, чтобы узнать, кто там; жребий пал на Насырана. Не без страха кое-как переправился он через Кубань и робко приблизился к костру; здесь с удивлением он увидел буланого коня покойного своего брата, а возле огня сидел мальчик. После обычного приветствия Насыран спросил его:

– Кто ты такой? Где взял ты эту лошадь и зачем здесь?

– Я сын Ачи, – отвечал мальчик, – а лошадь – моего отца. Я приехал отомстить тому, кто убил его.

Насыран знал, что у его брата не было ни одного сына, когда сам он отправился в поход, жена же его была действительно в то время беременной; но он поверил словам мальчика только тогда, когда узнал от него время его рождения. Тогда, после обычного родственного приветствия, Насыран взял его к своим храбрым нартам. Увидев Ачимеза и узнав от Насырана, кто он такой и зачем явился сюда, нарты сказали:

– Ты еще так мал, что не можешь переносить тех лишений, которые нам приходится испытывать в нашей боевой жизни. Напрасно ты сюда заехал.

– Ничего, – отвечал Ачимез, – я как-нибудь все снесу. Вы будете воевать, а я буду в вашем лагере присматривать за вашим имуществом, ночью же пасти ваших лошадей. Одним словом, я буду вашим шапой¹.

Сказав это, он пожелал нартам покойной ночи, а сам погнал их лошадей на пастьбу. Пригнав их в безопасное место, он оставил их там, а сам отправился отыскивать табуны Хубуна. Табуны эти паслись при впадении Теберды в Кубань, и Ачимез скоро нашел их здесь. Подъехав к одному табуну, он крикнул громким, повелительным голосом, и огромный табун Хубуна, повинувшись чудесному голосу Ачимеза, последовал за ним к лагерю спокойно спавших нартов. Сильный топот лошадей разбудил их. Страшно переполошившись. Они схватились было за оружие, думая, что бежит к ним войско Хубуна, но Ачимез успокоил их, сказав, что это они слышат гул пригнанного к ним Хубунова табуна; при этом он советовал им как можно скорее с этой значительной добычей возвращаться домой.

– А то, если Хубун, спохватившись, нагонит вас, – сказал он им, – то почем знать, на чьей стороне останется победа.

¹ Шапа – слуга.

Выпроводив нартов, Ачимез воротился назад и остановился на одной возвышенности наблюдать за действиями Хубуна. Последний с беспокойством отыскивал своих лошадей, но их нигде не было видно. Тогда, заметив Ачимеза, Хубун спросил его, не видел ли он здесь где-нибудь табуна. Ачимез отвечал, что видел, как какие-то неизвестные ему люди прогнали чей-то табун в ту сторону, и при этом указал совсем не туда, куда действительно нарты угнали лошадей, а в противоположную сторону, и вызвался даже сам сопровождать Хубуна и указывать ему дорогу. Через некоторое время они подъехали на гору близ того места, где теперь находится станция Карданикская. Здесь Ачимез, остановив Хубуна, сказал:

– Стой, не ездь напрасно! Я обманул тебя: я угнал твоих лошадей и отправил их с моими храбрыми нартами в свои владения на Терек.

Хубун от изумления остановился как вкопанный и, выпучив свои от гнева налившиеся кровью глаза, сказал:

– Как ты смел, щенок, меня, старика, обманывать и угонять мое трудами нажитое добро? Да я тебе все внутренности вымотаю и отдам собакам на съедение!

– Да, я смел и имею на то полное право, – сказал Ачимез, – потому что я сын Ачи, погибшего от твоих уже прежде запятанных кровью моих шести братьев рук. Я приехал рассчитаться с тобой за них. Теперь посмотрим, кто останется побежденным: щенок или старая собака.

Тут у них закипела ожесточенная битва, продолжавшаяся целый день.

Ачимез, видя, что силой ему ничего не поделать со своим закаленным в битвах врагом, пустился на хитрость: вдруг упал на землю и притворился мертвым. Хубун, считая его убитым, подошел к нему, но, не найдя на нем ни одной смертельной раны, с состраданием сказал:

– Бедный мальчик, ты умер от страха и усталости!

Затем, взяв его к себе на седло, отправился с ним домой и там с помощью своей жены положил его на ночь в одном сарае.

Когда в доме Хубуна все стихло и погрузилось в сон, Ачимез тихонько вышел из своего убежища, осмотрелся кругом и, убедившись, что за ним никто не наблюдает, незаметным образом вошел в спальню Хубуна, взял висевший на стене его меч и отсек ему голову. Потом, уговорив одну еще молодую и редкой красоты жену Хубуна стать своей женой, забрал все его богатство и подданных и возвра-

тился на свою родину, где сделался богатым и сильным властителем и вождем храбрых нартов.

II. Эмеген

Однажды три нартских богатыря Урузмек, Сосруко Гиляхсыртан Злоязычный отправились на охоту по непроходимым кавказским лесам, где было множество всяких зверей. Но на этот раз как-то им не посчастливилось, и охота их была неудачная. Пробродив целый день безуспешно и сильно утомившись, они вынуждены были с пустыми желудками остановиться на ночлег, осматриваясь во все стороны, к большому своему удовольствию, они увидели невдалеке зарево горящего костра и решили отправиться туда, чтобы воспользоваться хоть чужим гостеприимством и чем-нибудь подкрепить свои упавшие силы. Подъехав к горящему костру, они, к ужасу своему, увидели двух громаднейших эмегенов, сидевших около огня и пожиривших своими огромными зубами оленя в сыром виде; в стороне же лежало еще немалое количество убитых оленей.

При виде таких чудовищ нарты оробели, не зная на что решиться. Однако уйти было уже поздно, так как они сами были замечены теми. Тогда нарты, чтобы не обнаружить перед эмегенами своей трусливости, смело подъехали к ним и, проговорив обычное приветствие, объявили себя их гостями. Обрадованные эмегены предложили им слезть с лошадей и разместиться вокруг огня. Затем, исполняя священный долг гостеприимства, они зажарили им самого жирного оленя.

Удивленные таким оборотом дела, нарты ободрились и, отлично поужинав, спокойно улеглись спать. На другое утро эмегены объявили своим гостям, что, по их давно заведенному порядку, всякий заезжий гость должен безотлучно находиться у них не менее трех дней. Поэтому, в уважение к своим законам, они требовали от нартов беспрекословного во всем повиновения себе и грозили, что накажут смертью того из них, кто попытается уйти отсюда.

Нарты хорошо сознавали свое бессилие перед этими грозными великанами, и потому волей-неволей должны были покориться своей судьбе и в бездействии провести три дня в гостях у чудовищ.

В течение первых двух дней эмегены с большим усердием угощали своих кунаков, но на третий сказали им:

– По нашим мудрым законам мы окончили свое двухдневное угощение; теперь законы наши предписывают гостям в свою оче-

редь угощать премудрых эмегенов¹. А так как с вами ничего нет, кроме ваших безобразнейших лошадей, то мы сначала примемся за них, а затем, пожалуй, очередь дойдет и до их глупых хозяев.

Сказав это, они тотчас же с жадностью набросились на лошадей и, связав их, как ягнят, стали пожирать живьем. Терзая их своими крепкими, как сталь, зубами, они с ног до головы обагрились кровью, от чего стали еще более безобразными и ужасными. Управившись с лошадьми, они было хотели уже полакомиться самым излюбленным для них блюдом – человеческим мясом, для чего уже связали самого младшего из нартов – Гиляхсыртана; но его товарищи, видя и свою неизбежную гибель и пользуясь несообразительностью и глупостью своих врагов, пустились на хитрость, как последнее средство для своего спасения.

– Благоразумнейшие и мудрейшие эмегены! – сказали они. – Мы приехали к вам по одному важному делу, а не объявляли же вам о нем потому, что вы нас не спрашивали.

Эмегены, польщенные словами нартов, вдруг остановились и превратились в слух, приказав им рассказать, в чем состоит их важное дело.

Урызбек, как старший из нартов, начал так:

– У нас, между нартами, издавна остаются нерешенными три вопроса, которые производят постоянные ссоры и драки между нами. Чтобы положить конец всем этим несогласиям, нас послали к вам, как к мудрейшим из всех живущих на земле, просить решить их и тем водворить в среде нартов мир и согласие. В этих вопросах упоминаются следующие три вещи: *молоток, долото и угольные щипцы*. Что из этих трех вещей было изобретено и появилось на свет первым?

Эмегены на минуту призадумались. Потом один из них, поднявши голову, с торжеством сказал:

– Глупы вы и ваши собратья! Первым изобретен молоток!

Второй же, чтобы не уступить первенства своему товарищу и показать перед нартами свою мудрость, назвал долото. Вследствие этого у них завязался сильный спор, перешедший потом в страшную драку, причем они ожесточились до того, что начали вырывать с корнями громадные деревья и награждать ударами друг друга, забыв в своей ярости все окружавшее.

¹ Эмегены обладали громаднейшей силой, но были в высшей степени глупы, несообразительны. Тем не менее они любили называть себя *премудрыми* и считали все остальное безобразнейшим и глупым.

Между тем наши хитрецы, пользуясь ожесточенной борьбой чудовищ, развязали своего товарища и скрылись в дремучем лесу, оставив далеко за собой страшный шум и треск вековых деревьев, ломавшихся в сильных руках эмегенов, и нечеловеческий визг их самих, по глупости оспаривавших силой друг у друга первенство в мудрости.

III. Девлер, или Кто сильнее?

В одном из кавказских аулов некогда жил с женой и детьми один бедный человек, по имени Дев, из домашних животных у него была только одна корова, которую он берег пуще своего глаза, потому что она была кормилицей всей его семьи. Но так как жительство его находилось среди гор и дремучих лесов, где водилось несметное множество хищных зверей, то он от нападения их обнес свою хижину высокой стеной и устроил в ней крепко запиравшиеся ворота.

Однажды кормилица-коровка не возвратилась домой с пастбища в свое обычное время и тем вызвала большой переполох в семействе Дева, потому что все были уверены, что с нею случилась какая-нибудь беда. Сам Дев, вооружившись дубинкой, тотчас же бросился отыскивать ее. Бродя по лесу, он, наконец, нашел свою корову действительно в опасном положении: прижавшись задом к одной из скал, она отчаянно защищалась своими рогами от нападавших на нее волков. С дубинкой в руках Дев бросился к ней на помощь, отогнав кровожадных зверей, погнал ее домой; но волки, скоро оправившись от внезапно наведенного на них страха, последовали за ним. С большим трудом отбиваясь от этих лютых зверей, кое-как Дев добрался до двора; но тут новая беда: ворота во двор заперты, а жена крепко спит! Между тем раздраженные волки со всех сторон с яростью обступают его, только ловкая дубинка в его сильных руках внушает им некоторый страх и заставляет держаться на почтительном расстоянии. Тогда Дев, видя, что на его крики не отпираются крепкие ворота, не долго думая, схватил свою корову в руки и мигом перебросил ее через забор во двор, затем, отмахнувшись еще раз от расвирепевших преследователей, мгновенно перескочил во двор и сам. Волки опешили и, постояв немного перед оградой и пропев обычную свою голодную песенку, разбрелись в разные стороны.

Перескочив во двор, Дев точно так же остановился в недоумении: он сам до сего времени не подозревал в себе такой силы и лов-

кости. Сильно обрадовавшись столь важному открытию, он вскричал:

– Есть ли на свете кто-либо сильнее и ловче меня? – и решил на другой же день отправиться отыскивать такового.

После этого он лег спать. На следующий день, проснувшись утром, он вспомнил о вчерашнем приключении и, захватив все необходимое для дороги, отправился вниз по течению реки искать, не встретит ли кого сильнее себя.

Пройдя не малое расстояние, вдруг он видит: на берегу реки сидит человек и ловит удочкой рыбу; в руках у него вместо хворостинки большой брус. Не без страха Дев подошел к нему и сказал:

– Ай, кюнюн акши бусун! Чабак кеп бусун! ¹

Проговорив это приветствие, он присел около рыбака.

– Что ты ходишь и чего ищешь? – спросил его рыбак.

Дев рассказал ему свое приключение и намерение. Рыбак, чтобы испытать его силу и дать понять о своей собственной, сказал:

– Как сильный человек, поддержи-ка ты мою удочку, пока я схожу по естественной надобности!

Бедный Дев, держа брус, чуть не надорвался от напряжения, пока дождался рыбака. Взяв от него удочку, незнакомец сказал:

– Я вижу, что ты удивляешься моей силе, но иди дальше и ты увидишь еще сильнее меня.

Дев отправился дальше и увидел действительно еще одного рыбака, у которого в руках удилище было гораздо больше, чем у того, которого он встретил раньше. Этот проделал с ним то же, что и первый, и посоветовал идти дальше, уверяя, что там он может увидеть человека еще сильнее его.

Дев пошел дальше и увидел еще третьего рыбака за тем же занятием, но еще с большим удилищем. Этот последний, дав ему испытать тяжесть своего удилища, направил его по особой тропинке на гору, сказав, что там он найдет хижину, в которой увидит такую силу, которая равняется всем трем силам, виденным им раньше. Дев, побуждаемый любопытством, отправился по указанному пути. Взойдя на прекрасную поляну, он увидел большую хижину, сделанную из самых больших бревен; на пороге ее сидела старуха и пряла шерсть. Увидев приближающегося к ней человека, она встала и, после обычного приветствия, спросила:

¹ Первая фраза – обычное приветствие среди дня, а вторая – пожелание успеха в ловле рыбы.

– Кто ты, как попал в такое глухое место и зачем?

Дев рассказал ей все свои приключения и объяснил причину, побуждавшую его на такое небезопасное странствование.

– Жаль мне тебя, бедный человек, – сказала старуха. – Раз зашедши сюда, ты уже не можешь выйти отсюда живым без моей помощи. Если мои сыновья вернутся, то бог знает, что с тобой может случиться.

После этого она выкопала в своей хижине веретеном яму, спрятала его туда, а сверху забросала подушками.

Вскоре после этого пришли ее три сына с большим запасом рыбы.

– Где же наш гость, которого мы сюда прислали? – спросили они, не видя нигде Дева. Старуха попыталась было отговориться невежеством, но, видя, что таким путем она ничего не достигнет, вытащила Дева из ямы с намерением избавить его от гибели более хитрым способом. Как бы с намерением показать гостю все его ничтожество, она посадила его посреди комнаты, сыновей рассадила по трем углам, сама же села в четвертом; потом приказала каждому сыну по очереди дуть на Дева, от чего тот, как мяч, катался то к одному, то к другому. Затем она велела всем разом дуть как можно сильнее под Дева, от чего тот вдруг поднялся вверх и вылетел в трубу. Тут он, чувствуя себя на свободе, бросился бежать что есть мочи, куда глаза глядят. По счастью, скоро он наткнулся на громадного человека, тащившего необыкновенной величины арбу с солью; на боку у него был плетень. От удивления и страха Дев остановился, но, видя на лице незнакомца доброту и приветливый взгляд, решился просить у него защиты против своих преследователей. Добрый силач немедленно снял с себя сапог и, положив в него трепещущего от страха Дева, бросил на арбу. Только он взялся опять за тягло, чтобы продолжать свой путь, как вдруг явился один из преследователей и, грозно размахивая руками, закричал:

– Как ты смел, негодяй, прятать нашу жертву! – и при этом бросился на него с остервенением.

Силач, не долго думая, схватил его одной свободной рукой за шиворот, повалил на землю и, вырвав у себя из бороды несколько волосков, связал ему руки и ноги.

Только он успел управиться с ним, как явились один за другим и остальные два брата; но и их добрый силач укротил таким же образом и заставил лежать на земле неподвижно.

После этого он снял с арбы сапог и, вытащив из него Дева, сказал:

– Ну, теперь не бойся, милый человек, и скажи, как ты попал в такое опасное место и зачем?

Дев, оправившись несколько от страха, рассказал своему спасителю все, что с ним было. Добряк, выслушав его, сказал:

– Нет, милейший, никто не вправе воображать себя сильнее всех! Ты видел, какую я имею силу, и есть люди еще сильнее меня. Я расскажу тебе только то, что я сам видел и испытал, а ты, выслушав это, сам потом посуди, возможно ли себя воображать сильнее других.

Однажды я взял к себе одного мальчика на воспитание, а, вырастив его, вздумал женить. Мы поехали с ним к одному богатому князю, чтобы взять у него его дочь, славившуюся красотой на все окрестности. Дорогой нас застигла ночь в лесу, и мы остановились там ночевать. Проснувшись ночью, вдруг я слышу ужасный шум и треск; я удивился и, взглянув кругом, заметил, что от выходящего изо рта спящего моего воспитанника дыхания деревья ломаются и валятся, как от самой сильной бури. Увидев это, я пришел в ужас и решил покончить с ним, так как мне с таким сыном не сдобровать. Я начал таскать что ни на есть самые большие деревья и валить на него, думая тем раздавить и уничтожить его. Но мальчик, проснувшись, стряхнул их с себя, как какие-нибудь мелкие прутья, потом, обратившись ко мне, спросил, зачем я все это сделал, и заметил, что я напрасно трудился. Я же, чтобы не вызвать у него подозрение, оправдывался тем, что будто бы все это сделал для того, чтобы прикрыть его от свежего ночного воздуха.

После этого мы благополучно доехали до места нашей цели и, взяв от князя красавицу-невесту, преспокойно возвращались домой. Вдруг слышим мы за собой погоню, оборачиваемся назад и видим, что за нами гонится какой-то человек. Сын мой узнал в нем своего соперника и просил меня вернуться и разделаться с ним. Когда я стал приближаться к преследователю, он, остановившись, подул на меня с такой силой, что лошадь моя не могла дальше следовать, и я, видя свое против него бессилие, должен был возвратиться назад без успеха. Когда рассказал я обо всем этом своему сыну, то он передал мне свою невесту, а сам воротился к противнику: тут у них завязалась отчаянная борьба. Обезоружив в борьбе друг друга, они стали барахтаться, как дикие звери, выбивая при этом по колено землю своими могучими ногами. Затем оба с оглушительным шумом повалились на землю. Тут сын стал умолять меня подать ему его меч, чтобы скорее покончить с врагом. Я же, вместо того чтобы

помочь сыну, вынул свой меч и хотел отрубить ему голову; видя мое намерение, он дунул на меня с такой силой, что я был отброшен на большое расстояние и, падая, попал боком на острый камень так, что повис на нем. Сын же, управившись со своим врагом и без моей помощи, возвратился ко мне и, сняв меня осторожно с камня, принялся ухаживать за мной: с помощью своей невесты достал целебных трав, обложил ими мои раны, а к пробитому месту привязал вот этот плетень. Потом меня усадили на лошадь и мы отправились дальше.

Проехав несколько вперед, мы заметили, что на нас мчится какая-то необыкновенной белизны лошадь, а на ней сидит очень маленький человек с огромной белой бородой. Подъехав к нам, человек этот мгновенно схватил одной рукой моего сына и, положив его под стремя, скрылся в дремучем лесу. Там, остановившись, он слез с лошади, взял большое дерево и, расщепив конец его, вложил в него моего сына, а потом, разложив большой костер, положил на него свою жертву, чтобы жарить его, как шашлык; сам же после этого лег и, укрывшись буркой, захрапел. Сын мой от мучительной боли начал биться, но лошадь своим оглушительным ржанием разбудила своего господина; тот же, вскочив на ноги и не видя близ себя никакой опасности, начал бить ее за то, что она напрасно нарушила его покой. Затем он взял моего сына и, обрезав у него сверху несколько прожарившееся тело, съел, после чего, переложив сына моего другим боком к огню, опять захрапел. Сын опять начал барахтаться, желая как-нибудь высвободиться из крепких тисков, но лошадь снова предупредила своего хозяина. Последний поднялся и, убедившись в своей безопасности, принялся еще больше прежнего бить своего коня. Натешившись вдоволь такими побоями, он взял опять моего сына, обрезав прожарившееся место, съел это, после чего, положив его опять к огню, захрапел еще сильнее прежнего.

Тогда лошадь, рассердившись на своего неблагодарного хозяина за напрасные побои, человеческим голосом сказала моему сыну: «Добрый человек, постарайся высвободиться из этой проклятой трещины! Моего хозяина ничто не может разбудить, кроме моего ржания, но я теперь не намерена будить его. Потом возьми его собственный меч и отруби ему голову. Когда это сделаешь, как можно скорее спрячься под меня!»

Мой сын, услыша ее добрый совет, напряг все свои силы и высвободился из крепких тисков. После этого взял меч кровожадного людоеда и одним взмахом отрубил ему голову, сам же тотчас бро-

сился под лошадь. Людоед в ту же минуту вскочил без головы и начал бросаться во все стороны, отыскивая своего убийцу, но, не найдя его нигде, вернулся на свое место, лег и тут же околел.

Сын мой, обрадовавшись, что успел наконец разделаться с людоедом, отвязал его лошадь и, сев на нее, приехал с обгорелыми боками к нам, все еще ожидавшим его на прежнем месте. Я и невеста его на этот раз искренне обрадовались его возвращению и, видя его обезображенным, принялись с помощью целебных трав лечить его бока. Раны его скоро зажили, но только, к удивлению нашему, на местах ожогов выросла очень густая шерсть, вследствие чего он из красавца сделался довольно безобразным. Поэтому днем он никуда не показывается, зато ночью проделывает ужасные вещи: обижает и убивает беспощадно всех, попадающихся в его сильные руки.

Вот видишь, какие бывают люди на свете, – закончил добрый силач. – Я же, со своей стороны, жалея тебя, сочувствуя твоей бедности, даю тебе столько денег, сколько ты можешь донести, но при этом советую попусту не шляться по свету и не искать невозможного, ибо никто не может воображать себя сильнее всех.

IV. Кто больше?

Некогда по долинам и ущельям Кавказа бродил неслыханной величины бык. Если он подходил к водопою, то голова его касалась реки, а задняя часть была на горе; а когда он начинал пить воду, то выпивал ее всю, и ниже его река прекращала свое течение.

В это же самое время в тех же местах появился очень большой орел, обладавший страшною силой. Орел этот схватил своими мощными лапами великана-быка и унес его на одну из вершин горы; там он искилевал его и, схватив в когти одну оставшуюся в целости переднюю лопатку, слетел в долину, на которой под надзором пастухов паслись тучные стада местных жителей.

В одном из этих стад был очень большой козел с такой бородой, что во время непогоды все стадо и сам пастух укрывались под ней.

В один из ненастных дней, когда козел преспокойно стоял, охраняя стадо и пастуха от шедшего в этот день проливного дождя, к нему на рога сел сказанный орел с лопаткой быка-великана в когтях, продолжая объедать оставшееся на ней мясо.

Пастух, которому наскучило томительное ожидание погоды, высунул из-под бороды козла голову и взглянул вверх, чтобы узнать, скоро ли перестанет дождь. Орел, испугавшись пастуха, слетел с

рогов и выпустил из когтей свою добычу. Лопатка, падая, попала одним концом пастуху в глаз и застряла там.

Пастух от нестерпимой боли поднял сильный крик, издавая раздирающие душу вопли. На его отчаянные крики сбежались люди и кое-как, с помощью ломов и лопаток, вывернули из его глаза эту занозу.

Прошло несколько лет; лопатка покрылась землей, всякого рода растениями, и на ней поселился целый аул, причем жители нисколько не подозревали, что построили свои сакли на одной кости.

Один конец лопатки, несколько выдававшийся вверх, не совсем был закрыт землей. Великанша-лиса бродила по лесу, напала на эту кость и принялась грызть ее, от чего лопатка со всеми на ней постройками пришла в движение; жители аула от сотрясения все переполошились и, выскочив из саклей, увидели, к великому своему удивлению, громадных размеров лису, которая преспокойно грызла кость и тем приводила в сотрясение весь их аул. Тогда они схватились за оружие и, окружив ее со всех сторон, начали колотить, кто чем мог, до тех пор пока та не повалилась бездыханной на землю. На другой день на это чудо собрались все жители аула и решили снять с лисы кожу и разделить ее между собой. Скоро все принялись за дело, но, ободрив верхнюю сторону лисы, принуждены были оставить свою работу, потому что, сколько ни напрягали своих сил, не могли даже сообща перевернуть ее на другой бок. В это самое время невдалеке проходила одна удивительной величины женщина. Увидев толпу жителей, возившихся над чем-то, она завернула к ним.

Тут, узнав в чем дело, она сказала: «Если только вы дадите мне на шапку часть лисьей шкуры, то уж так и быть – я переверну ее вам!» Толпа удивилась, но из любопытства жители согласились на ее предложение.

Тогда эта великанша взяла лису одной рукой и перевернула на другую сторону.

Сняв шкуру, жители аула разрезали ее на две равные части и одну отдали великанше, а другую разделили между собой. Но удивительно то, что из второй половины хватило всем жителям аула каждому на шапку, а великанше из такой же половины не вышло и одной шапки. Спрашивается: кто же тут больше всех в этом расказе?

V. Джелмаус

В незапамятные времена в одном ауле жил какой-то богатый князь. У этого князя однажды родилась дочь по имени Джелмаус, и в ту же ночь из дома родителей ее таинственно исчезли тележки и одно ведро воды. Домашние княжеской семьи немало были удивлены этим необъяснимым исчезновением, но, чтобы не подать повод к различным толкам, решили сохранить это в тайне от других.

Но с этой первой роковой ночи исчезновение телят и воды стало повторяться каждую ночь и у других жителей аула, так что все они не на шутку переполошились и стали доискиваться причины этого явления. Сначала они думали, что какой-нибудь дикий зверь истребляет их скотину, но никакое из предпринимаемых ими средств к отысканию его не привело к цели; между тем с исчезновением мелкого скота в скором времени стал исчезать и крупный. Поэтому они пришли к убеждению, что скот их пропадает от какой-нибудь сверхъестественной силы, и снова стали доискиваться, где начало этому злу.

Вскоре стало известно, что у князя не очень давно родилась дочь и что она растет невероятно быстро. Это обстоятельство дало повод к заключению, что новорожденная княжеская дочь не простая смертная, а эмеген, что это она пожирает скотину и что от нее нужно ожидать еще больших бед; избавиться же от нее уже не было никакой возможности, так как она была в то время настолько сильна, что могла любого взрослого человека моментально разорвать на части.

Один из братьев Джелмаус, Киилы¹, желая избегнуть угрожающей ему со стороны сестры опасности, отправился на берег Черного моря и там поселился; а для того, чтобы чем-нибудь поддерживать свое существование, стал заниматься рыболовством. Однажды он поймал необыкновенной величины рыбу и внутри ее нашел, к своему удивлению, двух еще живых борзых щенят, которых стал кормить и лелеять, и тем приготовил из них для себя двух верных друзей. Теперь он уже мог оставить рыболовство и заняться охотой, которая ему более нравилась. Охота его была очень удачна, так как собаки были настолько ловки, что даже ловили налету птиц. Новым занятием охотник наш вскоре скопил себе некоторое состояние. Но Киилы томила неизвестность о родине; ему очень хотелось посе-

¹ Страждущий или терпящий.

тить ее, и наконец он решился привести в исполнение свое желание, только не знал, взять ли с собой собак для защиты на случай несчастья или же оставить их для присмотра за домом. Вскоре собаки сами вывели его из затруднительного положения, посоветовав ему оставить их дома, а взять с собой немного их шерсти, при этом они сказали ему, что стоит только ему, в случае несчастья, бросить эту шерсть в огонь, как они немедленно явятся к нему на помощь.

Киилы очень обрадовался этому, оставил своих друзей дома и со спокойным сердцем один отправился в путь. Но, прибыв на родину, он был крайне поражен тем, что не нашел там никого, кроме кузнеца и своей сестры. Джелмаус встретила его с великой, по-видимому, радостью, коня его поставила в конюшне, самого же отвела в дом. Развела в очаге огонь для приготовления угощения и за чем-то вышла на двор. Через несколько времени, возвратившись обратно в саклю, она спросила брата, как это он приехал на лошади о трех ногах. Киилы сначала принял эти слова за шутку и заметил, что лошадь его достойна не насмешек, а похвалы, так как она сослужила ему великую службу. Когда же сестра заявила самым убедительным тоном, что она не шутит, Киилы, удивившись ее словам, вышел к лошади и, к своему несчастью, убедился, что она действительно о трех ногах. Догадавшись, кто был виновником такого зверства и для какой цели, Киилы с большим усилием подавил свое негодование, соединенное со страхом, и старался казаться равнодушным, чтобы отклонить от себя подозрение сестры и не дать ей заметить, что он желает ускользнуть от ее наблюдательного взора и ищет случая как-нибудь спастись.

Спустя немного времени Джелмаус снова вышла из сакли и, возвратившись назад, объявила брату, что лошадь его осталась только о двух ногах. Тут Киилы стал следить за выходами сестры и узнал, что она, после съедения каждой лошадиной ноги, бегала к кузнецу точить свои крепкие стальные зубы. Тогда ему стало ясно, почему она оставила в живых кузнеца, тогда как всех других пожрала. Между тем Джелмаус еще два раза выходила на двор и, возвращаясь в саклю, говорила, что лошадь Киилы осталась то об одной ноге, то, наконец, совсем без ног.

Бедный Киилы, сильно встревоженный, все придумывал различные способы, как бы хоть самому-то спастись от своей кровавой сестры, но мысли его от страха путались, сердце трепетало, и он, наверно, не мог бы ничего придумать и был бы съеден своей сестрой, если бы к нему не явилась на помощь мышка. Дело в том,

что когда Джелмаус вышла в последний раз, чтобы пожрать уже туловище лошади, мышка, выскочив из подполья, посоветовала ему немедленно отправиться в такое место, где бы ему не угрожала никакая опасность, а сама обещала в то же время на вопрос его сестры, куда он ушел, обманывать ее до трех раз, указывая ей ложно разные пути.

Киилы, поблагодарив мышку за ее к нему сострадание и добрый совет и не медля ни минуты, отправился в путь.

Эмеген, управившись с остатками коня, вошла в саклю, чтобы уведомить брата об исчезновении его лошади, но, не найдя его, пришла в бешенство и пристала к мышке с вопросом, куда он скрылся. Мышка верно исполнила свое обещание: три раза Джелмаус бегала за братом в разные стороны и только в четвертый раз бросилась уже без указания по настоящей дороге. Киилы, выбившись из сил и потеряв всякую надежду на спасение, решил наконец призвать на помощь своих собак. Верные собаки явились в пору, ибо Джелмаус уже приближалась к нему с налившимися кровью глазами и открытой пастью. Тогда Киилы велел своим собакам броситься на Джелмаус, и тут-то пошла общая свалка и отчаянная борьба, в которой ничего нельзя было разобрать, только ключья летели вверх, и кровь брызгала во все стороны. Но как эмеген ни была сильна, однако собаки одолели ее и разорвали на куски; осталась только одна голова со стальными зубами, не поддававшаяся никаким усилиям собак и все еще отбивавшаяся от них.

Желая уничтожить ее окончательно и разорвать надвое, собаки схватили ее: одна – за волосы, а другая – за нижнюю челюсть; голова же вдруг закачалась и, поднявшись вверх, улетела вместе с собаками на луну. С тех пор голова эмегена сделалась вечным врагом луны, а собаки – вечными ее стражами: круглый год они не смыкают глаз и оберегают луну от головы эмегена, и только один раз в течение года, утомившись, засыпают. Голова эмегена, пользуясь этим случаем, набрасывается на луну, отчего та темнеет; тогда карачаевцы, видя такое явление, тотчас же начинают стрелять в воздух и как можно громче кричать, чтобы разбудить верных стражей. Проснувшись от выстрелов и криков, собаки оттаскивают эмегена в сторону, и луна снова светлеет.

VI. Аймуш

Предание о горном озере Хурла-кель

В отдаленные времена на вершинах Хурла-джал-паки жили четыре брата: Аймуш, Сикун, Сиймуш и Сийнух. Первый из них занимался овцеводством, второй – козловодством, третий – вообще скотоводством и четвертый – хлебопашеством. Все они поочередно гоняли своих животных в ущелье Индыш поить кисло-соленой водой, которая и по настоящее время пользуется уважением скотоводов.

В один прекрасный день Аймуш, возвращаясь с Индыша по направлению к горному озеру Хурла-кель, вел за собой свое многочисленное стадо овец, оберегаемых и подгоняемых пастухами. В эту ночь он решился, по обычаю, украсть в жены одну из горских красавиц, уже заранее намеченную им. День был на исходе, и солнце клонилось совсем уже к западу.

Вдруг Аймуш слышит какой-то таинственный голос, произносящий его имя; он моментально прервал свою песню, огляделся по всем сторонам и увидел летавшего над собой черного ворона необыкновенной величины, который говорил: «Аймуш! Не противоречив никогда братьям, не принимая в свое стадо ни одной чужой овцы, не брав за руку ни одной сероокой красавицы, что ты теперь замыслишь? Ты хочешь оскорбить своих братьев, взяв вопреки их желанию себе жену, гордую красавицу. Покайся, пока еще есть время, и принеси в курманлык имеющегося у тебя самого лучшего белого черноухого валуха; в противном случае, по воле Сердцеведца, ты жестоко заплатишься за свой легкомысленный поступок». Но Аймуш, подозревая в говорящем вороне злого духа, гордо отверг его совет и продолжал свой путь.

Подойдя к озеру, он остановил на ночлег свое стадо на зеленобархатной, просторной поляне под надзором своих пастухов; сам же отправился домой с целью в эту ночь непременно исполнить свое давно взлелеянное намерение. Из дому он послал для главного присмотра за овцами своего любимого брата-пахаря, приказав ему не производить в эту ночь никакого шума, какой бы переполох ни произошел в его стаде.

Сийнух, придя к братову стаду, расположился на ночлег около озера, а пастухам приказал лечь с противоположных сторон вокруг стада. В самую полночь вдруг он слышит сквозь сон силь-

ный гул, просыпается и видит страшный переполох среди овец в стаде и между ними бегающего необыкновенной белизны барана с огромными золотыми рогами, издававшими какой-то фосфорический свет. От удивления и страха Сийнух, забыв приказание брата, закричал во все горло. Золоторогий баран тотчас же стремительно бросился в озеро, а за ним, с не меньшей быстротой, последовало и все стадо. Сийнух от изумления стоял как каменный и очнулся только тогда, когда уже последние овцы исчезали под водой озера. Очнувшись, он успел схватить и удержать за ногу лишь одного самого тощего ягненка.

После столь необычайного происшествия Сийнух отправился домой и известил своего брата обо всем случившемся.

Аймуш, только что похитивший невесту и ласкавший себя сладкой надеждой провести остаток ночи в ее объятиях, услышав о гибели своих овец, которые составляли все его богатство, забыл и свою невесту, и все окружающее и стремглав бросился на место катастрофы; тут он увидел одних только пастухов, со страхом поглядывавших на озеро, где погибли все овцы. Не имея сил вынести столь тяжкое испытание, Аймуш, как безумный, с раздирающим душу криком бросился сам в озеро и скрылся на глазах пастухов в тех же таинственных волнах, где погибло все его стадо.

Некоторые карачаевцы и до сих пор убеждены, что Аймуш и по настоящее время жив, невредим и разгуливает со своим стадом под озером в каком-то подземном царстве; говорят, что и по сию пору во время весенней стрижки овец, шерсть овец Аймуша показывается на поверхности озера.

VII. Карча

Карча считается родоначальником карачаевцев. Некогда с небольшим своим племенем он вышел из Крыма и после долгих скитаний поселился на одном из верховьев реки Баксана, где прожил, никем не замеченный, около шести лет.

В одно время он вздумал построить мост через быстротекущую реку. Жившие внизу кабардинцы, увидев плывущие по реке щепки, немало удивились и донесли об этом своему князю Кази. Раздраженный князь, твердо решил наказать нарушителей своих прав, самовольно явившихся в его владения, и вскоре, снарядив из своих храбрых кабардинцев сильный отряд, отправился отыскивать их в верховьях реки Баксана. Но, найдя, что карачаевцы живут в местно-

сти, совсем ему не нужной, изменил свои прежние жестокие намерения, обошелся с ними миролюбиво и положил только с них дань скотом по обоюдному согласию.

Через несколько времени Карча, не плативший никогда прежде никому дани, счел свои обязательства по отношению к кабардинскому князю низостью для себя и решил отказаться от них. Поэтому, когда явились к нему посланные от Кази за данью, он вместо дани послал ему связанную старую паршивую собаку.

Кази от такой обиды пришел в ярость и решил жестоко наказать своих непокорных данников. Собрав сильный отряд, он явился к карачаевцам.

Карча хотя и предвидел беду и приготовился к защите, но со своей малочисленной дружиной не мог выдержать напора сильных кабардинцев; потому он оставил в руках победителя все имущество и семейство и с уцелевшими своими дружинниками скрылся в горы, потом перебрался в Сванетию просить помощи у заклятых врагов кабардинцев – сванов. Последние, сочувствуя его бедственному положению, с радостью согласились на его просьбу.

Тогда Карча с обновленными силами перебрался опять во владения кабардинцев, но так как у него войска все же было меньше, чем у его врагов, то он не решался вступить с ними в открытый бой, а ограничивался набегам и захватом их многочисленных стад.

Однажды он узнал случайно, где находится главное местопребывание стад самого Кази и, прокравшись ночью к его кошу, засел в таком скрытом месте, откуда свободно мог видеть и слышать все происходящее около горящего костра пастухов.

Вот главный надзиратель за стадами Кази поймал самого лучшего из всего стада барана и, приведя его к огню, стал делать над ним обычное омовение для приготовления его в курманлык¹, приговаривая:

– Если только Аллах избавит нас в эту ночь от рук ненасытного Карчи, то мы принесем этого барана завтра в курманлык.

Карча, услышав это, тоже про себя сказал: «А если нам благополучно удастся захватить в свои руки эти стада, я тоже его принесу в курманлык».

Когда пастухи улеглись, Карча бросился на них и, перевязав всех, угнал все бывшие там стада Кази. Загнав их в безопасное ме-

¹ Предназначая барана в курманлык, сначала омывают водой всего его; а потом уши и ноги при известной молитве.

сто, он поймал приготовленного уже пастухами в курманлык барана и, выведя его на середину перед пастухами, сказал:

– За благополучное окончание моего дела я этого барана приношу в курманлык.

Пастухи, удивившись, переглянулись между собой и невольно улыбнулись. Карча же, наблюдавший за их действиями, спросил их, чему они смеются? Пастухи рассказали, что они этого самого барана еще вчера обрекли в курманлык за свое будущее спасение.

– Я тоже еще вчера обрек его в курманлык за будущую удачу, – сказал Карча, – но так как вы прежде это сделали, то и возвращаю его вам.

Потом, обратившись к главному надзирателю, он добавил:

– Возьми этого барана, отправляйся с ним к своему господину и скажи ему, что все богатство его находится в моих руках и что если он хочет его возвратит себе, то пусть явится ко мне на мирные переговоры. Я буду ждать его вон там (при этом он назвал известное им место, очень удобное для оборонительного положения). Если же он не явится через три дня, то все его богатство безвозвратно погибнет.

Кази, услышав от возвратившегося надзирателя, что все его стада в руках врага, сильно опечалился, так как пропавшие стада его стоили гораздо дороже всего того, что он взял прежде у Карчи. Надеясь на силу и храбрость своих кабардинцев, он мог бы и силой возвратит все, взятое его врагом, но срок, назначенный им, был так короток, что в течение его он не был в состоянии собрать такое количество войска, чтобы успешно можно было бороться с Карчой; а потому он решил со своей небольшой дружиной отправиться в означенное место для мирных переговоров с ним.

Остановившись на условленном месте, Кази повел переговоры через переводчика, проживавшего в то время у него, выходца из Крым-Шамхала. Карча же во время переговоров сидел на одном большом камне и предписывал своему врагу условия мира. Он требовал от Кази: 1) полного возвращения всего, взятого кабардинцами, 2) полной независимости и 3) уплаты всех расходов по найму сванетских войск.

На выполнение первых двух пунктов Кази беспрекословно соглашался, но на третий ни за что не хотел согласиться. Тогда Карча пришел в сильный гнев и, привстав, сказал:

– Если так, то пусть же Кази попробует взять свое стадо у меня силой!

При этом он с такой силой опустился на камень, что тот с оглушительным треском раскололся на четыре части¹.

Кабардинцы, видя в своем враге такую сверхъестественную силу, страшно испугались и поспешили с точностью выполнить все предложенные им условия мира.

После этого Карча, не желая более оставаться на Баксане с такими беспокойными соседями, переселился в ущелья верховьев реки Кубани. Переводчик при переговорах, Шамхал, перешел также к своим соплеменникам и женился на дочери Карчи.

По смерти Карчи власть его перешла к его зятю Шамхалу из Крыма, почему и потомство его стало называться князьями Крым-шамхаловыми.

1882 г.

Карачаевский аул

Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1883. Вып. 3. С. 138–168.

¹ Говорят, что этот камень и до сего времени цел, и карачаевцы, поныне на Баксане, своим долгом считают посмотреть на этот памятник силы своего родоначальника.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Дьячков-Тарасов. Заметки о карачае и карачаевцах</i>	3
<i>М. Алейников. Карачаевские сказания</i>	36

Литературно-художественное издание

Серия

КАРАЧАЙ И БАЛКАРИЯ: СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

Выпуск 6 (11)

Дьячков-Тарасов Александр Николаевич
ЗАМЕТКИ О КАРАЧАЕ И КАРАЧАЕВЦАХ

Алейников Моисей Николаевич
КАРАЧАЕВСКИЕ СКАЗАНИЯ

В оформлении обложки использована почтовая открытка начала XX века из серии «Виды Кавказа». Охотник на туров

Заведующий редакцией В. Н. Котляров
Художник Ж. А. Шогенова
Корректор Н. В. Лысенко

Лицензия № 00003 от 27.08.99

Сдано в набор 20.08.09. Подписано в печать 04.09.09.
Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Муриад.
Усл. печ. л. 3,15. Тираж 1000 (1-й завод – 1–500) экз.

ISBN 978-5-93680-303-1



Издательство М. и В. Котляровых
(ООО «Полиграфсервис и Т»)
360051, КБР, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 19.
Тел./факс: (8662) 42-62-09
e-mail: elbrus@mail.ru
www.elbruss.ru